

Александр Хан-Рязанский

Кошмар в Чанчуне

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Хан-Рязанский

Каждому аз воздам! Книга

четвёртая. Кошмар в Чанчуне.

<https://litres.ru/67234991>

SelfPub; 2024

Аннотация

Кошмар в Чанчуне, это 4 книга, где идёт речь о малоизвестном, но зловещем японском отряде 100. Вторая Мировая война — самая кровопролитная за всю историю человечества, но было еще одно место, где происходили ужасные эксперименты над людьми, работали там маниакальные убийцы. Это были самые жестокие и умные врачи Японии. Слабонервным и впечатлительным людям эта книга к прочтению не рекомендуется. Я не ставил перед собой задачу точно следовать историческим событиям, но во многом они имеют место быть. Очень долго, всем участникам группы запрещалось упоминать о японском "чумном" Отряде 100. Все материалы по отряду 100 были строго засекречены. В действиях отрядов 731, 100 на территории Китая еще очень много белых пятен, о которых, вероятно, мы не узнаем никогда. Именно эти обстоятельства стали главной причиной того, что сегодня невозможно достоверно дать оценку действиям наших разведчиков, которые в невероятно трудных условиях добывали необходимые сведения. Содержит легкую нецензурную брань.

Александр Хан-Рязанский

Каждому аз воздам!

Книга четвёртая.

Кошмар в Чанчуне.

Глава первая

После огромных людских потерь и невероятных лишений, победой завершилась Великая Отечественная война. С огромным трудом, преодолевая катастрофическую нехватку людей, страна начала срочно восстанавливать народное хозяйство. Почти пол страны было разрушено и сожжено, повсеместно не хватало рабочих рук, нужды фронта оттянули на себя немалое количество квалифицированной рабочей силы, которая требовалась для возрождения промышленности, сельского хозяйства и жилья. И 23 июня 1945 г. Верховным Советом СССР был принят закон «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии». Согласно закону, из армии началось увольнение военнослужащих 13-ти старших возрастов. Предполагалось, что первая партия уволенных из армии солдат будет возвращена домой между июлем и сентябрём 1945 года. В течение трёх с половиной лет в СССР из армии предполагалось демобилизовать и вернуть к мирной жизни около 8,5 миллионов

человек...

Прошёл май, потом июнь, наступил жаркий июль. Из Красной Армии уволили большую часть военнослужащих мужчин и женщин, кроме войск Дальневосточного, Забайкальского фронтов и Приморской группы, из женщин не уволили лишь радисток, телефонисток, служащих ПВО и медицинских работников. И это было неспроста. Все ждали чего-то, а вот чего – было непонятно. Не уволенные в запас военнослужащие зашептались в полках, штабные офицеры стали нервными и пресекали любые разговоры о долгожданной демобилизации. Народ устал воевать и, как всегда водится, если что-то непонятно, он начинал роптать, стали появляться всевозможные слухи. Через три дня всем стало ясно, что демобилизация некоторых воинских частей откладывается на неопределённое время. В полках объявили боеготовность номер один и ночами, почти не объясняя причин, стали тайно перебрасывать военные соединения к ближайшим железнодорожным станциям.

Ещё два года назад, на Тегеранской конференции в 1943 году, впервые состоялся разговор о вероятных преференциях, после грядущего разгрома Японии, для территориальных прав СССР на Дальнем Востоке. Советский Союз, денонсировавший в апреле 1945 года советско-японский Пакт о нейтралитете, подтвердил на Берлинской конференции свою готовность вступить в войну против Японии в интересах быстрого окончания Второй мировой войны. Согласно

данному обещанию Сталина, СССР должен объявить войну Японии через три месяца после конца войны. Но Сталин в середине июля отбыл на Потсдамскую конференцию, а кроме него никто не был уполномочен решать такие вопросы. На Потсдамской конференции обсуждались вопросы предстоящей войны с Японией. Главам правительств США и Великобритании было крайне важно получить личное подтверждение от Сталина, что СССР вступит в войну с Японией, и они его получили. На Дальний Восток, тайно, начали перебрасывать значительные воинские силы. За короткий срок, было переправлено более 400 тысяч фронтовиков к границам Северной Маньчжурии. В начале июля ещё никто не знал, что 7 августа Сталин и начальник Генштаба А. Антонов подпишут Директиву Ставки ВГК № 11122 главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке, приказывая трём фронтам (Забайкальскому, 1-му и 2-му Дальневосточным) начать 9 августа боевые действия против Японии.

Группа подполковника Александра Шульги, после прибытия в Москву, была отправлена в санаторий под Рязанью на отдых. Вся группа в предвкушении ждала демобилизации, но рано утром 30 июля неожиданно, в дверь номера санатория, где Шульга и Раечка все ещё не жились в постели, настойчиво постучали и на пороге предстал не выспавшиеся и злой генерал Григорьев. Он шагнул за порог, нервно сдёрнул с головы фуражку и не объясняя ничего, сходу потребовал водки. При этом он краем глаза успел заметить, что Раечка, с

открытым от удивления ртом, стоит посреди комнаты в чём мать родила.

– Так, прекратите это голое безобразие, – я понимаю капитан Симонова, что вы обладаете самым совершенным телом в мире, но я слишком стар, чтобы оценить ваши изящные пропорции. Есть дела посерьёзней. При этом он подмигнул Шульге и за спиной поднял большой палец вверх. Раечка ойкнула, сначала присела, что стало ещё хуже, потом лихорадочно заметалась по телу руками, пытаясь прикрыть свои прелести, что было совершенно бесполезно и через мгновение сообразив, кульбитом переместилась на кровать и зарылась в простынях.

Шульга недовольно пробурчал, – Твою же мать, утро перестаёт быть относительно добрым, откуда вы товарищ генерал? Я вот не понимаю, как вам это удаётся, делать так, что, как только в мире что-то случается, а в этом я уверен, то крайним всегда остаюсь именно я? Ну прямо у вас талант какой-то! Дед, к чему такая спешка, а – вестник всех наших несчастий?

– Откуда, откуда? Да из Москвы вестимо, будь она неладна, дай водки, иначе меня сейчас кондратий схватит. Раечка, замотанная в простынку, поднялась с постели, достала из тумбочки початую бутылку водки, Григорьев почти вырвал её из рук девушки и прямо из горла начал жадно пить. Шульга поражённый присел на стул. Такого Григорьева он никогда не видел. Отхватив почти полбутылки, он удовлетворён-

но крикнул и заявил, – Собирайтесь все, через пятнадцать минут, я жду всю группу в актовом зале санатория. Открыв дверь, он невидимому офицеру приказал, – Савченко, возьми пару-тройку солдат и повыгоняйте всех к чёртовой матери из актового зала, заблокируйте все выходы и входы и ждите моих дальнейших распоряжений. За дверью раздался топот сапог и всё стихло.

– Раечка, будь добра, не стоит светить своими выдающимися формами, оденься и разбуди всю группу, а ты подполковник останься. Дед ещё раз приложился к бутылке и рухнул на стул спиной к девушке. Раечка, недобро сверкнув глазами, быстро оделась и покинула номер. Григорьев ласково проводил её взглядом до двери.

– Одно из преимуществ одинокой жизни – не надо никому давать отчёт и не быть никому обязанным. Что, окончательно попал под каблук? – задал он риторический вопрос и задумавшись, изрёк, – эх, блажен тот, кто посетил сей мир!

– Вы это о чём товарищ генерал?

– Жизненное время своё, нужно тратить лишь на то, что тебе действительно интересно. Видимо вы жутко интересны друг другу, ну ладно, это я так – от старости брюзжу. Давай, как говорят в Одессе: делаем походку на актовый зал и то, что я сейчас расскажу, очень вам не понравится, но вопросы все потом.

Через пол часа вся группа собралась в актовом зале. Григорьев обвёл всех тяжёлым взглядом, то что он сейчас им

преподнесёт, возможно навсегда поставит крест на их добрых взаимоотношениях. Он их прекрасно понимал, люди смертельно устали от войны, от крови, от постоянного риска и всем хотелось забыть этот кошмар и зажить мирной жизнью. Но они носили погоны, давали присягу и, как бы то ни было, обязаны подчиняться любым приказам.

Генерал Григорьев был их непосредственным командиром, под начало которого, они прошагали многими дорогами войны. Как всегда, сдружившиеся девушки сбились в небольшую стайку и что-то там в полголоса обсуждали. Гиви и Влад были серьёзны и не подкалывали друг друга, приезд генерала Григорьева не сулил им ничего хорошего. Только Владимир Иванович безмятежно расположившись возле Шулги, слегка прикрыв веки, дремал.

– Так, сороки, прекратите галдеть, – прикрикнул Григорьев на девушек, – За неделю отдыха не наговорились ещё? Прошу тишины. Всем сгруппироваться на первом ряду, информация крайне секретная и я не хочу кричать на весь актовый зал.

– В этом году, весной, во время Потсдамской конференции, Иосиф Виссарионович Сталин, дал обещание Президенту США Рузвельту и Премьер-министру Великобритании Черчиллю, что через два месяца, после победы над нацистской Германией, СССР объявит войну Японии. Когда это будет точно, пока неизвестно, но то что война будет не у кого уже не вызывает сомнений. И скорее всего, наша страна,

во исполнение решений Ялтинской конференции объявит Японии войну и атакует Маньчжоу-Го с территории Внешней Монголии и бывшей Внешней Маньчжурии.

«Однако в действительности, СССР объявил войну Японии через три месяца – 8 августа 1945 года» (А. Хан Р.)

– Товарищ генерал, – решил сгладить неловкий момент Шульга, – не нужно говорить загадками и на что-то намекать, скрытые иллюзии здесь не уместны, говорите прямо, чётко и, по существу.

– Ну вот видите – моя школа, не любит воду в ступе толочь и сразу берет быка за рога, но... – Григорьев чуток замялся и решившись, выдал, – Тебе Колыма, в этом деле понадобится все твоё умение, чтобы заставить своих людей делать то, что нужно и во что ты непоколебимо веришь. И я знаю, что ты это умеешь делать очень хорошо.

– Так, ну, бульон мы попили, давай перейдём к гуще.

– Что, какой бульон?

– Дед ближе к телу, говорю! – рассердился Шульга.

– Ну хорошо, кто из вас бывал в Китае или на КВЖД?

– Из нашей группы, только я! – выступил вперёд Владимир Иванович.

– Это я знаю, но в прямых контактах, вы, Владимир Иванович не участвовали, а мне нужны именно те люди, которые знают хорошо быт и уклад дружественного нам китайского народа.

– Командир, – Шульга осуждающе покачал головой, – не

с этой ноты вы начали своё музыкальное произведение, когда нам не нужна, начните с скрипичного ключа.

– Вот стервец, не даёт насладиться моментом. Хорошо, слушайте и запоминайте. Вам предстоит очень непростая, можно сказать, тяжелейшая и опасная задача. Но сначала немного предыстории.

– Ещё до войны, на территории Маньчжоу-Го – это марионеточное государство, образованное японской военной администрацией на оккупированной Японией территории Маньчжурии, наша советская агентурно-осведомительная сеть стала довольно обширной и именно в Харбине – под прикрытием генконсульства СССР, располагается одна из самых мощных и успешных разведывательных резидентур нашей страны. Усилиями наших разведчиков, ещё в начале войны, нам стало известно, что в захудалом маньчжурском посёлке Пинфань, на северо-востоке Маньчжурии, вдруг ниоткуда, появилось великолепное шоссе, резко усилилось движение крытого транспорта и наша агентура незамедлительно получила указания выяснить, что за мышиная возня началась на этом направлении. И вот что они выяснили. В середине тридцатых годов, на оккупированной территории Китая в районе посёлка Пинфань провинции Синьцзинь, в двадцати километрах южнее Харбина, японцы подготовили площадку для некоего секретного комплекса, были выселены все жители, более трёхсот китайских крестьянских домов были сожжены, а вся освободившаяся территория была об-

несена колючей проволокой

– Так, понятно, а мы-то тут причём? Или нам надо кого-то там выловить?

– Шульга, ты или слушай, или я тебя выставлю подышать свежим воздухом, что ты как маленький мальчик при первом же свидании, торопишься перейти к самому главному.

– О, – улыбнулась Раечка, – это мне знакомо!

– Ты-то куда, егоза, тоже мне, сияющая брошь к драгоценному камню! Хочешь составить ему компанию, я это мигом организую. Замолчите оба и слушайте.

– С вашего позволения, я продолжу и пожалуйста не перебивайте меня, у меня от этих китайских названий населённых пунктов, чуть мозг не вскипел, пока я читал все эти чудные кракозябры-иероглифы. Вы уже имели возможность столкнуться с химическим оружием, а теперь вам предстоит задача пострашнее, теперь речь идёт о бактериологическом оружии.

– Что, как это понимать? – Колыма вскочил и нервно заходил между рядами кресел, – Война для нас закончилась и нам совершенно не хочется сгинуть там от какой-то неизвестной заразы. Но тут же, взял себя в руки, остыл и присел в дальнем углу. Все его планы о мирной жизни летели псу под хвост.

– В отличие от артиллерийских снарядов, – сердито повысил голос Григорьев и дико вращая глазами, приказал Шульге сесть, – бактериологическое оружие не способно мгно-

венно убивать живую силу, зато оно без шума поражает человеческий организм, принося медленную, но мучительную смерть. Производить артиллерийские снаряды или авиационные бомбы совсем не обязательно, можно заражать вполне мирные вещи – одежду, косметику, пищевые сельхозпродукты, напитки и просто воду, можно также распылять бактерии с воздуха. Пусть первая атака не будет столько масштабной, но всё равно бактерии будут размножаться и поражать всё живое. Все, я больше не могу пересказывать эту заумную научную терминологию и перехожу к чтению, тем более здесь описываются жуткие вещи, которые я не решусь произносить вслух, он достал из портфеля синюю папку: «... На оккупированной территории Китая в районе посёлка Пинфань провинции Синьцзинь, в двадцати километрах южнее Харбина, дислоцируется так называемый в секретных донесениях «Отряд 731». Он имеет восемь филиалов, расположенных вдоль советско-китайской границы и один испытательный полигон-аэродром в Аньда. По нашим сведениям, в отряде 731 около 150 лабораторий.

Отряд был организован в целях подготовки бактериологической войны, главным образом против Советского Союза, а также против Монгольской Народной Республики, Китая и других государств. Этому способствовала идеология японцев, которые считали китайцев, русских, уйгуров, корейцев не полноценными людьми. Китайцы обходили стороной деревню Пинфань, что происходило за этой высокой

непроницаемой оградой, никто толком не знал. Отряд располагает собственным авиационным подразделением и официально называется: «Главное управление по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии. Он дислоцируется на территории шесть квадратных километров в 130 зданиях. Дед передохнул и продолжил.

– Несколько лет назад, нам стало известно, что отряд 731 на живых людях, которых японцы между собой называют «объектами», на подопытных китайцах, русских, монголах, корейцах, схваченных военной полицией Кэмпэйтай или спецслужбами Квантунской армии, проводились жестокие и мучительные опыты, косвенно, не имевшие никакого непосредственного отношения к подготовке бактериологической войны. Людей просто собирали на улицах Харбина и отправляли в застенки за малейшую тень недовольства или за косой взгляд. Возраст людей в большинстве – от 20 до 30 лет, максимум 40 лет. Ночью, в крытых грузовиках пленников переправляли на территорию отряда, где они помещались во внутреннюю тюрьму. В течение нескольких дней «объектам» обеспечивали отменное четырёхразовое питание, избавляли от физической работы и обращались достаточно прилично. Им нужны были совершенно здоровые люди...»

– Кэмпэйтай? Это что такое?

– Это подобие гитлеровского гестапо, надеюсь тебе, знакомому с ними и побывавшему в его застенках, не надо

разъяснить, кто это? Довольно одиозная служба безопасности Сухопутных войск Императорской Японии. Деятельность сотрудников Кэмпэтай на оккупированных территориях наводит настоящий ужас на местное население, поскольку ничем не отличается от гитлеровского гестапо и их действия носят откровенно человеконенавистнический характер и мой вам совет, увидите чёрные, отороченные золотом, погоны убивайте эту сволочь незамедлительно. Они виновники множества военных преступлений на территории северного Китая.

– Товарищ генерал, выходит, что отряд 731 на этом месте был организован не случайно, зачем везти людей в Японию, когда можно подопытных насобирать на территории Китая?

– Правильно Минёр, – поддержал Влада, Григорьев, – Только я дополню, что, если вдруг, о деятельности японцев в Китае узнает мировая общественность, или вдруг, случится бактериологическая утечка, или произойдёт всеобщее заражение китайского населения, всегда можно прикинуться несведущими и заявить, что моя хата с краю и ничего не знаю и этим обезопасить собственное государство. Все застыли и молча переваривали услышанное.

– Подождите секунду, – Григорьев стал перебирать листы, вот слушайте: «...К тому времени, китайцы уже сами обо всём догадались и забили тревогу, но это только озлобило японцев. Летом 1940 года специальная группа японцев, с большим запасом блох, заражённых чумой, была вы-

сажена в район боевых действий в Центральном Китае. С самолёта было произведено заражение обширной территории, в результате чего в этом районе вспыхнула сильная эпидемия чумы, о которой писали китайские газеты. Сколько тысяч людей погибли в результате этого преступления – как говорится, одному Богу известно. Такие же заражение китайской территории японцы произвели в 1941 и в 1942 годах, которые спровоцировали эпидемию в районе города Чандэ. Контейнеры с тифом и холерой отряды пехоты бросали в колодцы и источники, из которых брали воду мирные жители, повстанцы и китайские солдаты. Для распространения чумы авиация императорской армии бомбила города, партизанские районы и дороги снабжения у бирманской границы фарфоровыми бомбами, набитыми заражёнными блохами. Известно, как минимум, о двенадцати операциях, включая биологические удары по 11 крупным городам. От Нинбо близ Шанхая до Юннаня на юго-западе. Массированное применение чумных бомб, а также химического оружия по жилым кварталам, отмечалось ещё во время тяжёлых боёв за Чандэ, в которых китайская армия одержала победу».

Григорьев вновь передохнул и залпом выпил стакан воды, – Мы не оставили без внимания этот факт и сейчас, я уже могу с уверенностью сказать, что уже через несколько недель после его создания, отряд 731 попал в поле зрения нашей разведки,

– И что, с тех пор мы не предпринимали никаких дей-

ствий?

– А что прикажешь делать, в это время наша страна отбивалась от тьмы фашистских полчищ и при малейшем инциденте с японскими властями в Маньчжурии, Япония незамедлительно объявила бы нам войну, а это не входило в планы нашего Комитета Обороны. Войну на два фронта мы бы не потянули.

Шульга ударил кулаком по подлокотнику кресла, – Чёрт возьми, как же это страшно, когда ничего не можешь сделать.

– Слушайте дальше: «Всего отряд 731 имеет восемь подразделений. Первое подразделение занимается проведением экспериментов с вирусными заболеваниями, включая бубонную чуму, холеру, сибирскую язву, брюшной тиф и туберкулёз. Профильными экспериментами, которые ставились над подопытными, были испытания эффективности различных штаммов болезней. Испытуемых намеренно заражают различными вирусами, чтобы изучить их влияние на организм человека. В результате таких экспериментов погибало немало людей, поскольку, в большинстве случаев, они жили в одном помещении. По нашим сведениям, в этих лабораториях погибло более трёх тысяч человек, лаборатории до сих пор засекречены и там продолжают бесчеловечные эксперименты».

– Теперь о главном, по нашему профилю нас интересует лишь один из филиалов отряда 731, – Дед запнулся, впился глазами в рапорт и круто ругнулся, – нет это невозможно чи-

тать, – но с третьей попытки ему это удалось, – лаборатории находятся чуть в отдалении, а вот головной филиал «сотки» дислоцируется в десяти километрах южнее Чанчуня в городке Мэнц-зя-тунь! Во как! Так вот нам туда. Что плохо, провинция Гири и город Чанчунь расположены в центре равнины Сунляо и подобраться к отряду 100 будет непросто, к тому же, Чанчунь один из основных центров японского присутствия в южной Маньчжурии и является столицей государства Маньчжоу-Го. Японцев там будет как грязи. Также хочу предупредить, что головной филиал «сотки» охраняет всё тот же озверевший Кэмпэтай и вам там будет очень непросто, – наконец закончил Дед.

– Нет, ты мне скажи Колыма, что в китайском алфавите, кроме букв «ф», «ц», «з» и «я» больше других не существует? Дед вновь решился прочитать эти мудрёные названия населённых пунктов Китая, но запнулся и с трудом, по слогам прочитал, – в местечке Мэнц-зя-тунь. С ума сойти! Сотый отряд несколько меньше отряда 731, штат его сотрудников насчитывает несколько сот человек, но по жестокости и бесчеловечности, он не уступает отряду 731. Диверсионные работы у границ нашей страны, в начале войны, проводил именно отряд 100. Также на «сотку» возлагалась задача по производству бактериологического оружия и проведению диверсионных мероприятий.

– Чувствуете, куда я клоню? Мы ликвидаторы диверсионных школ, а отряд 100, это и есть самые настоящие ди-

версанта, с которыми мы с вами очень хорошо знакомы, только здесь все намного серьёзней. Накал национализма и презрения к «инородцам-недочеловекам» в японском обществе к концу войны стал таким, что порой, поражал даже эсэсовцев, которые побывали там не раз. Они фанатики и им ничего не стоит взорвать или распылить рядом с нашими границами какую-нибудь гадость. Нам позарез нужно попасть в этот район! Вся наша операция будет происходить именно там, так как там располагается Научно-исследовательский центр санитарной службы Южно-Маньчжурской железной дороги, внутренняя тюрьма и полигон, где проводятся эти жуткие опыты. Этот центр, непосредственно подчиняется Квантунской армии и работает в тесном контакте с нашим визави – отрядом 731, изготавливая чумную вакцину и проводя эксперименты по массовой иммунизации китайского населения различными типами чумных вакцин. Нам нужны документы, кино и фото материалы и ничего больше... Тут он запнулся и притворно закашлялся. Некоторые детали группе он не стал озвучивать. На месте разберутся сами.

Григорьев отложил листы бумаги, – Ну, как вам такое? Предвижу бурное возмущение и упрёки, но попрошу выслушать меня, мы с вами неординарные бойцы, мы заточены только для одного – нам нужна ясная цель, ярость и желание выжить, и мы должны из любой ситуации выйти победителями, и такая цель у нас есть, это начальник отряда 100 полковник Широ Исигава со своей шоблой убийц, прикры-

вающиеся псевдонаучными медицинскими исследованиями, а по сути, обыкновенным бесчеловечным истреблением людей, они ничем не отличаются от нацистов, которых мы, за прошедшую войну, положили немало. Пока это всё, детали ваших дальнейших действий и заброску на место проведения операции, я изложу позже, а сейчас всем отдыхать.

– Шульга, а тебя я попрошу задержаться. Все молча покинули актовый зал, каждый думал о своём, но ни упрёков, ни бурных возмущений Григорьев от них не услышал. Благодаря Шульге дисциплина в группе была железной. Надо – значит надо!

Григорьев подошёл к Шульге и тихим голосом продолжил, – И вот ещё что, попрошу это держать при себе, после нашей победы над Японией, а я в этом не сомневаюсь, все эти японские специалисты-разработчики «боевой чумы», возможно, не разбегутся по весям и не сбегут в Японию или ещё в какую другую страну, а вполне легально, наверное, будут находиться в Маньчжурии после войны и возможно, даже работать с нашими военными бактериологами из НИИЭГ.

– Что? Товарищ генерал, вы предлагаете мне придержать своих людей, чтобы сохранить этим мразям жизни, вести переговоры о совместном сотрудничестве и переманить на нашу сторону?

– А что тебя удивляет? Сотрудничать с мразью, чтобы устранить еще более законченную мразь, это в порядке вещей и тебя не должна мучить совесть, главное, нам стало из-

вестно, что подполковник Сато, начальник отряда 100, каждую неделю посещает Харбин и лично отбирает людей для предстоящих опытов.

– Откуда такая информация? Я бы не предавал этой информации большое значение.

– Местные донесли, да, информация нами не проверенная и тебе на месте точно надо всё выяснить.

– Согласен, непонятно то, что Сато косвенно не является начальником отряда, кто он на самом деле нам не известно, но почему-то курирует именно этот отряд. Видимо он проворачивает там какие-то свои мутные делишки, а вот чем он там на самом деле занимается нам не известно и надо это срочно выяснить.

– А как? Нам туда легальный ход закрыт, мы европейцы ни разу не походим рожками на китайцев и тем более на японцев.

– Об этом у меня уже был неприятный разговор с комиссаром. Ну ты же сам знаешь, что во всех грехах подозревают тех, кто уже по уши грешен.

– И всё-таки, Дед, ваше благородство о сохранении жизни этим извергам граничит с идиотизмом.

– Шульга, это не простое благородство – это практичность и производственная необходимость, мы очень мало знаем об этом оружии массового поражения. Я сам с удовольствием всех их расстрелял бы на месте, но на это есть строгое указание сверху: по возможности пленить и срочно переправить в Советский Союз. По данным нашей разведки, помимо доку-

ментов и протоколов в отряде есть около двух десятков кино и фотокамер. Японцы все опыты тщательно документируют. Нам нужны документы, фильмы, дневники, лабораторные работы и желательно живые, повторяю, лично для тебя и твоей группы – живые эпидемиологи, которые участвовали в этих экспериментах. Нам нужен весь эпидемиологический материал по чуме, холере, японскому энцефалиту и другим инфекциям, имеющий большое научно-практическое значение для противоэпидемической защиты Красной Армии. Я допускаю, что часть уцелевших сотрудников этого отряда, люди неординарные и возможно в будущем, они получают мировую известность, получают учёные степени и общественное признание, это хоть и жестоко, но это бесценный опыт, которого у нас нет и никогда не будет.

– И что мне с ними потом делать, на себе тащить через весь Северный Китай?

– О пути отхода вашей группы мы ещё не думали, но мы работаем над этим.

– А если эти упрямые ослы не согласятся?

– Сделай так, чтобы они согласились, жить всем хочется, скорее всего, тебе надо будет их убедить, что не надо при случае, хвататься за меч и делать себе публичное харакири. В крайнем случае, вколоть им лошадиную дозу снотворного.

– Кто же это так распорядился?

– Это приказ исходит непосредственно от Берии и не дай бог тебе его послушаться. По баланде соскучился? Главным

вашим делом будет заполучить в руки техническую документацию по комплексам производств биологического оружия. Пару-тройку особо рьяных японских специалистов-бактериологов, я разрешаю тебе угробить, но не больше. Нам нужны не они, а их мозги, так как врачи и исследователи, которые входят в состав отряда 100, ещё с 1936 года они занимаются изучением потенциала выживания солдат на поле боя. А вот в качестве подопытных они используют военнопленных, а также китайских и советских гражданских лиц.

– Видимо с этим непростым человеком мне придется идти рука об руку всю свою жизнь. Четвертый раз он вмешивается в мою жизнь!

– Сейчас я жду прибытия военного эпидемиолога майора Красину из секретной лаборатории Научно-исследовательского института эпидемиологии и бактериологии. Она придет вместе с двумя специалистами по разработке советской «чумной бомбы».

– Главный военный эпидемиолог, женщина? И этих ботаников я потащу в Китай? – возмутился Шульга, – нет уж увольте!

– Нет, они не будут участвовать в захвате лаборатории отряда 100, у них свои задачи, но способ доставки и у вас, и у них, один и тот же, а какой, об этом я вам сообщу позже. Правда, у майора Красиной будет серьезная группа прикрытия. Идет согласование с некоторыми не подвластными нам ведомствами. Военный эпидемиологи введут вас в курс

дела и обучат элементарным способам предохранения. Они направляются для изучения эпидемиологии чумы и холеры всей южной Маньчжурии и добудут эпидемиологический материал противочумных институтов в Чаньчуне.

– Ну слава Богу, хоть это ярмо на меня не вешаете.

– И ещё Шульга, – в том районе куда вы направляетесь в некоторых местах замечены вспышки чумы и холеры. Будьте осторожны. Во избежание всевозможных ненужных заражений, попрошу весь личный состав группы иммунизироваться высокоэффективной вакциной – так называемой «сухой или живой чумной вакциной НИИЭГ, разработанной Научно-исследовательским институтом эпидемиологии и гигиены Красной Армии. Что это, я сам не понимаю, но это надо сделать.

– Ну не ёб...ый Экибастуз, – ругнулся вслух Шульга, – только мне этой заразы в конце войны не хватало. Раз есть в группе эпидемиологов женщина, я беру к себе в группу своих трёх девушек – Викторию Веденееву, Марийку Родионову и Ксению Канадину! Раечка Симонова, как штатный радист и снайпер, она поневоле пойдёт с нами. Они быстро с ней найдут общий язык и расскажут, что к чему и как.

– Прошу тебя об одном Колыма, не подпускай к ней Раечку и сам не сближайся с ней. По слухам, она очень красивая женщина и не замужем. Она способна разбудить всё самое худшее, что есть у мужчины. Мне нужна боевая, сплочённая группа, а не подковёрные интриги и скандалы, при выясне-

нии прав, кому, с кем и когда спать.

– Знаете Дед, мне уже почти сорок лет, жизнь преодолевает второй перевал и будет скоро последний привал, зачем мне кобелем прыгать на каждую рельефную сучку?

– Ну предположим, что до сорока тебе ещё жить да жить, но я тебя понимаю мой друг, Раечку забыть невозможно, но на свете, ещё многим наивным красавицам, не взирая на преграды, хочется личного счастья, а вы с Раечкой всё уже решили и согласны на простую жизненную стабильность. Всё, я тебя предупредил.

Шульга рассмеялся, – Да-а, женщины – это что-то! Мне кажется, что общение с ними, мне напоминает замысловатую карточную игру, где везет только шулерам.

– То, что это игра, я согласен, но ведь не каждый карточный партнер, шулер?

– К сожалению, мне в основном, встречались только шулера.

– Это ты про Глорию Риччи? Забудь и вычеркни её из своей жизни. Ты уже давно сменил тот порочный круг общения, где встречаются на каждом шагу только шлюхи и шулера.

– Это выше моих сил, я с трудом могу общаться с людьми, которые не испорчены порочными привычками.

– Ха, а тогда чего ты от жизни ждешь, если не пытаешься изменить свой образ жизни? Тебе так и будут попадаться в жизни шулера и шлюхи, так как они в тебе тоже, в первую очередь, видят обманщика и повесу. Многие женщины то-

же думают, что мы мужики те ещё шлюхи и следом делаете шлюхами нас женщин. Отчасти это так! Как говорить: блядство – это грех, но к сожалению, не смертный! Как говорить – клин клином здесь не вышибешь! Все, давай прекратим душещипательные разговоры, оправляйся к своей группе и готовь её в дальний путь. Скоро вы узнаете, что вам приготовили на десерт. Многим – это не понравится! Да, а ты знаешь, какой будет город в Китае, куда вы первым делом отправитесь? Ни за что не выговоришь – Хуаньчайн-ган!

– Ка-а-ак, Хуань-чайн-ган? Господи, это наверно на краю географии.

– Если прикинуть только по Азии, то это как раз центр географии.

– Известен ли маршрут, по которому мы двинемся?

– Мне самому это интересно, но в ближайшие время я надеюсь получить ответы на все поставленные мною вопросы. Поступила лишь команда о организации такой международной группы из 15-20 человек. Что это будет за группа, я ещё сам не знаю, но ты будешь главным на этом празднике жизни. Все-все, давай проваливай, мне надо ещё поработать над кандидатурами.

– Узнаю Деда, все секретно и минимум слов! Нет, с тобой невозможно работать.

– Всё-таки хорошо, что именно нас подрядили на это дело, но то, что в группе будут гражданские, мне совсем не

правиться.

– Это почему же хорошо? Что тут хорошего? Траванут нас какой-нибудь дрянью, и никто не узнает, отчего ты окочился, – проворчал Шульга.

Дед осуждающе покачал головой, – что-то я тебя Колыма не узнаю или прелести Раечки на тебя так подействовали? Мы с тобой, прошли огромную школу выживания в минувшей войне, вспомни, как нас били в начале войны, когда, благодаря бездарным генералам, мы лезли на авось без опыта, чуть ли не с топорами и вилами на немецкие пулемёты, при этом теряя миллионы солдат. Сдаётся мне подполковник, что все ошибки и промахи в прошедшей войне, мы ещё много лет будем замалчивать, возможно врать и бравировать героическими подвигами наших солдат. Да были подвиги, но какой ценой? К счастью, этот период быстро прошёл, мы научились воевать и беречь живую силу и уже в Сталинграде, наши потери с немцами сравнялись. И сейчас мне подумать страшно, что случись война с японцами на пять лет раньше, нам, без приобретённого опыта в прошедшей войне, было бы почти невозможно воевать с Квантунской армией. Японцы не немцы, они фанатики и ни во что не ставят свои жизни ради победы императора Хирохито. Ну ты сам видел в кинохронике камикадзе, прикованных к пулемётам, лётчиков в самолётах, начинённых под завязку взрывчаткой. Обезумевшие от собственной значимости самураи на глазах всего честного народа вспарывают себе животы, отрубают голо-

вы средневековыми мечами-катанами и считают это высшей привилегией для смертных.

– Да, в 1941 году по численности населения Япония была чуть меньше Германии, но учитывая с каким фанатизмом японцы умирают на поле боя, война была бы не менее кровопролитной.

– Хорошо, что войны бывают не каждый год, но нашей стране неимоверно "повезло" в течении пяти лет вы воевали трижды: Финская, ВОВ и вот теперь, грядет Японская война.

– Дед, ты только не возмущайся сразу, а выслушай меня, есть интересная мысль, которая облегчит нашу задачу, – Мне нужны мои братья-калмыки. Также мне также нужна будет девушка азиатской наружности, которая сильнее и проворнее большинства мужчин. Без них нам там делать нечего.

– Надеюсь китайанка, из местных, опять хочешь взяться за старое?

– Это нашему делу не помеха, национальность не имеет значения, но она лицом должна быть похожа на китайцев и должна досконально разбираться в японском менталитете, этике и образе жизни и естественно говорить на японском и китайском языках без акцента. В этих чёртовых бусидо, сегунах, сепуках и других харакири, сами черти ноги переломают.

– Девушку я тебе Колыма найду, а вот, что касается братьев калмыков, боюсь, что это невозможно, они уже давно дружно едят тюремную баланду и ударно трудятся на благо

нашей Родины.

– Дед, я понимаю твой злой сарказм, но я тоже более трёх лет назад жрал баланду и не помышлял о скором освобождении и тем не менее, я выбрался из этого ада.

– Ты, это другое дело, ты не калмык – ты профессиональный контрразведчик и ты, как говорится, попал в струю.

– Так устрой им эту струю!

– Скорее сейчас будет уместно, организовать им побег из мест заключения, чем этой просьбой накликать на себя беду сверху. Ничего не могу обещать, но я попробую. А теперь и у меня есть приятная новость для тебя, сдаётся мне, что скоро ты увидишься со своим закадычным другом, которого ты не видел около трёх лет!

– Неужели Испанец? – чуть не подпрыгнул на месте Колыма.

– Он самый, собственной персоной. У меня состоялся бурный, с непечатными словами, разговор с начальником внешней разведки, но думаю, он против Берии не попрёт и даст согласие на отзыв Глебова из-за границы. После нашей операции с освобождением Глории у Испанца с Абакумовым сложились весьма тёплые и дружественные взаимоотношения. В свою очередь Абакумов, после нашего рейда в концлагерь, стал вхож в кабинет Берии без доклада.

– Прекрасная новость, я с Испанцем незаметно в Китай даже полк проташу.

– Командир, мне ещё нужны будут два-три человека ки-

тайской национальности, свободно говорящие по-японски и по-русски. Ведь мы не бельмеса по-китайски и тем более по-японски. Да и в разведку я не могу отправить своих людей с такими рязанскими лицами.

– С этим я тебе помогу, но будет непросто, на территории Китая таких людей почти нет, а если есть, то они уже давно работают на японцев. Поищем их среди приграничных обрусевших китайцев или японцев.

– Нет, с японцами я работать не буду. Не доверяю я им.

– Полноте, Колыма, у меня есть на примете несколько японцев-коммунистов, которые живут с незапамятных времён на территории СССР и в настоящее время, с исторической родиной не поддерживают никаких связей.

– И всё-таки китайцы были бы предпочтительней. Независимо от схожести наций, любой японец мгновенно узнает, что перед ним именно японец, а не китаец. Как они это делают мне неведомо.

– Не дрейфь – прорвёмся, надо людям верить!

– Спасибо, успокоил! – Шульга пожал руку генералу и отправился отдавать приказ на сборы.

Глава вторая

Шульга собрал всю группу у себя в комнате.

– Ну что, друзья-однополчане, какие будут мнения о предстоящей операции? Раечка не стала ходить да около и рубанула прямо, – Если взглянуть, так сказать, моим, невооружённым алкоголем глазом, там нас ждёт полный абзац, или

перевожу на русский – полный пиз...ец и я, чтобы не отодвигать эти события, пойду и застрелюсь на хер, а потом умру от полового истощения.

– Господи, сударыня, да, когда же ты наконец заткнёшься, что ты нас всех преждевременно хоронишь, – взревел Шульга и вмиг успокоившись, едко заметил, – Знаешь, чем пистолет отличается от женщины? На него можно всегда глушитель надеть!

– Моя дорогая Раечка, – философски заметил Владимир Иванович, – На Руси так всегда было – жить в ней страшно, а умирать за неё весело. Радуйся, что пока живёшь, каждому дню, каждому часу. Сколько раз нас Господь к себе прибрать мог, но ведь оставил до сего дня, а значит, нам рановато ещё о смерти думать. Конечно, не дело это, на чужой земле помирать, но нам не дано выбирать где сгинуть. Я с командиром!

– А вы что скажете... одинаковые с ларца? – Шульга взглянул на Влада и Гиви.

– По-моему нам не хватит там профессионализма, одно дело резать оголтелых эсэсовцев, не взирая на лица, а другое, лезть, в совсем нам не известное и крайне опасное мероприятие, воевать со всякими мерзко-пакостными вирусами и бактериями, которые невидимы, но смертельны для всего человечества. Я устал от войны, от ежедневных перестрелок и драк. К тому же я в биохимии и вирусологии полный профан и я сомневаюсь, что там пригожусь, – сказал Влад и сел на место.

– Так, с тобой всё ясно, а ты Абрек? – Шульга резко развернулся и взглянул на Гиви.

Абрек, со свойственной ему горячностью, быстро вскочил со стула и с перекошенным от гнева лицом, подскочил к Владу, – Слушай ты, гуманист, с большим ножичком за пазухой, что, сдаёшь назад? Поджилки трясутся? Не поверю! Ты можешь считать меня кем угодно, возможно я это заслужил, но как бы ты не старался меня переплюнуть в профессионализме, мы все равно Влад с тобой равны, так как оба неудачники, мы оба слили свой гражданский образ жизни уже давно, мы, кроме как воевать и наказывать людей за их злодеяния, ничего больше в жизни не умеем. И я тоже профан и в биологии, и в этой гнусной вирусологии, я совершенно не знаю, генацвале, с какой стороны к ней подходить. Я свой гражданский талант гуманиста просрал давно, а ты это делаешь только сейчас. Подумай над этим и сейчас дай мне ответ, ты с нами или нет? Я подожду!

Начитанный Влад, улыбнулся и примиряюще подняв руки, приобнял друга, и как бы в назидание продекламировал, – У правосудия, мести и любви – нет сроков давности. Ты что городишь? Окстись, хороняка! Безусловно, надо наказывать этих извергов. Я присоединюсь к словам этого башибузука. Мне нужно было увидеть его реакцию.

– Другого от вас я не ожидал, Шульга успокаивающе хлопнул обоих по плечам, – Я без вас там бы не справился. Но впредь Влад, выбирай выражения. Не нравиться мне твоё

настроение.

– Морозов, Владимир Иванович, если вы не согласитесь, я пойму, вы за период войны были трижды ранены, свою войну начали почти десять лет назад и вам, как никому другому хочется спокойной мирной жизни, да и возраст ваш уже взял под козырёк, вы первый стоите у меня в списке на демобилизацию, сдавайте оружие и увольняйтесь, как мне известно, вас с нетерпением дома ждут две очаровательные дочери?

Владимир Иванович, как обычно, неспешно разгладил свои пшеничные усы, чуть отставил в сторону свою раненую ногу и с укором взглянул на Шульгу, – Что, за время войны постарел, да? Уже ни на что не гожусь, списываете меня? А ведь только я знаю, что из себя представляют фанатично настроенные японцы. Это не эсэсовцы, которые, ох, как не хотели умирать просто так – за свой бредовый нацизм. В Японии всегда хватало отшибленных фанатиков, веривших, что любой японец одним самурайским духом и мечом-катаной, сокрушит все вражеские танки и самолёты. Эти националисты свято верят в превосходство «божественной расы Ямато» над всеми другими народами. По их мнению, империя имеет полное право: «Объединить восемь углов мира под сенью хризантемового трона божественной династии». Мы это превосходство одной европейской расы уже видели и с успехом переломали им хребет – кто на новенького? Помню, ещё в 1938 году, на Халхин-Голе, взяли мы одного японского офицера в плен, так он с криком: «Дух самурая велик»,

засмеялся и... резким движением короткого меча, распорол себе брюхо, но самураи на любой затяжной войне могут с криком «банзай» умереть за своего Императора, и мы в этом им поможем. Я с вами и о демобилизации не может быть и речи.

– Слушай, генацвале, а хорошо сказал, а! Научи, Иваныч?

– Гиви, угомонись наконец, скромнее надо быть. Не забыл, что тщеславие один из смертных грехов?

– Ай, мама-джан, ты найди мне хоть одного грузина, который был бы не тщеславен? Немного тщеславия никому не навредит.

– Гиви, ты только там сильно на рожон не лезь.

– Да не умею я так! Мне так не интересно!

– Чёртов грузин, и за что мне такое горе.

– Зачем горе, почему горе? С виду я ещё справный мужчинка и ещё не совсем старый.

– Вот-вот, я и хочу, чтобы ты дожил до своей глубокой старости.

– Ай, командир, а что я буду делать совсем старый?

– Мемуары писать!

– Что такое мемуары?

– Воспоминания о твоей бестолковой жизни, Абрек, – включился Влад, потеряв терпение, – давай не томи нам больше мозги и пошли разомнёмся напоследок.

– О, это я всегда пожалуйста...

Теперь предстояло самое трудное, поговорить с девушкой-

ми, они молча сбились в стайку, в их глазах была тревога. Колыма понимал, он должен их отправить домой ещё вчера и, наверно, так и сделал бы, но скверные новости от Григорьева, отодвинули это решение. Раечка конечно не в счёт, она ни за что не согласится, но он ошибался, девушки ждали от него совсем других слов.

– Ну что, мои дорогие красавицы, спасибо вам за всё, собирайте чемоданы, рюкзаки и в путь, всех вас ждут с нетерпением дома. Война для вас на этом закончилась. Девушки ответили гробовым молчанием.

– Не слышу оваций и ликования, девушки, вы меня слышите?

Первой стала во весь свой немалый рост, разбитная Ксения Канадина, поправила свою гимнастёрку на груди размером с Сибирь и переглянувшись с девушками, без ложного пафоса, скороговоркой выпалила, – Все мы знаем, что от пули или снаряда смерть наступает мгновенно, но эти чёртовы бактерии убивают человека медленно, незаметно и мучительно. Ими можно заразить воду или одежду людей, и они, размножаясь, через какой-то промежуток времени, убьют все живое и нас в том числе. Мне тревожно за своё будущее, за своих будущих детей, коих у меня будет трое. В конце концов не будет нашей страны, не будет и нас, с этим я не могу согласиться. Я в деле! И пусть я погибну от какой-либо очумелой заразы, но я не могу допустить эту вакханалию обречённых: разные там сумасшедшие пилоты-ками-

кадзе, пулемётчики, прикованные к станку пулемёта, ранцы за спиной, начинённые взрывчаткой, самураи с острыми мечами-катанами, бросающиеся в рукопашную схватку с криком: «Банзай!», на автоматы и пулемёты. Я думаю, что поступаю правильно, дав согласие на эту авантюру. Японские солдаты не остановятся никогда, они готовы стоять насмерть за своего императора и загубить ещё немалую часть человечества, а я этого не хочу.

Шульге все больше и больше нравилась эта смелая девушка, он ещё не встречал женщину, которая хотела так рьяно не понравиться обществу, но при этом так сильно нравилась всем. Ей было совершенно наплевать, что о ней думает общество. Тем более он видел её в деле, когда в начале 1945 года они совершили довольно опасное нападение на концлагерь, чтобы освободить Глорию Риччи. Это вызывало у Шульги некоторое уважение. Владимир Иванович улыбнулся и согласно покачал головой, другого от этой боевой девушки он и не ожидал. Она, еще в Белоруссии, своими смелыми действиями доказала право находиться в группе ликвидаторов.

– А вы, старший лейтенант что скажете? – обратился Колыма к Марийке Родионовой. Белокурая Марийка, опустила голову и нервно теребила край воротника.

– Как-то раньше, мне не приходилось задумываться, что же из себя представляет человек во все времена, почему он необычайно жесток, алчен, жаден, корыстен, агрессивен,

продан, видимо это уже не изменить никогда! Почему, этот прогнивший мир дикого капитализма, стала идеальной средой обитания для подобного человека? Почему человек человеку – волк? Почему мы поедом едим себе подобных? Почему мы каждым разом придумываем всё новые и новые способы массового истребления человечества? А как же милосердие? Разве не у Бога ли мы должны просить его?

– А будете ли вы сами милосердны к таким людям? И люди ли это вообще?

– Если я сама не проявлю милосердие, то как я могу просить это милосердие у Бога?

– Надеюсь вы измените своё отношение к таким людям, когда узнаете их поближе. Видимо вы уже всё решили и присоединяетесь к нам.

– Биологическому оружию не место на нашей земле.

– Как мне известно, на Западе тоже хватает подобных людоедских мыслей – и даже многие гуманисты питали фантазии о бактериологическом умерщвлении некоторых народов. По нашим сведениям, самые страшные эксперименты, проводившиеся на людях в японском отряде 731, не имеет косвенное отношение к биологическому оружию. Японская империя имеет огромные амбиции, в подобных лабораториях они культивируют смертоубийственные боевые штаммы, которые способны убить миллионы людей. Этого допустить никак нельзя. Ты в деле.

– Ну теперь вы, мой надёжный стрелок, вы что решили?

– Шульга знал о непредсказуемом и решительном характере Виктории Веденеевой и поэтому решил опросить её последней.

Эта умная девушка знала себе цену и в тоже время, она своими поступками делала все, чтобы её в группе недолюбливали, её действия воспринимались порой совсем иначе, но чем больше она взбрыкивала, тем больше её начинали тайно уважать. Особенно она очень нравилась Гиви, он за неё стоял горой. Всё-таки, она его протеже.

– Да командир, я знаю, что вы меня считаете непредсказуемой и трудно управляемой, но плохи лишь только те ножи, которые ты чувствуешь в своей спине! Мне это ни к чему! Я прошу простить меня за мою бестактность, но в последнее время, мне трудно верить людям. Чтобы разобраться с будущим и тем более, дожить до будущего, надо сперва навести порядок в настоящем. Я с вами! Ответом были неистовые аплодисменты Абрека.

– На этом всё, всем собрать личные вещи и через три часа выезжаем, а куда...об этом потом.

– А я? – Раечка от возмущения аж покраснела, – Меня никто не хочет спросить, хочу ли я добровольно взгромоздиться к чёрту на рога?

– С тобой всё ясно, и я тебя даже не спрашиваю, или хочешь домой?

– Как домой? Без тебя? Нет, такая перспектива меня не устраивает!

– И я о том же, бегом собирать манатки, слышала приказ?

– Есть мой подполковник!

– Все свободны, а вас Гиви и Влад, я попрошу остаться.

Девушки и Владимир Иванович потянулись к выходу.

– Слушайте меня внимательно, нам надо проверить одно очень рискованное дело.

– Говори, командир, – Влад заинтересованно взглянул на Шульгу и опустился в ближайшее кресло.

– О, а разве у нас всегда было иначе? Я не помню, чтобы мы праздновали, с прохладцей, выполняли какое-либо задание, – Абрек плотоядно улыбнулся и выхватив из голенища кинжал, молниеносно рубанул кинжалом воздух, – кого-нибудь надо зарезать или живым притащить? Приказывай командир!

– К сожалению, Гиви, это было бы просто, поубивать мешающих нам людей и выполнить задание. Никого мы убивать и резать не будем, – это нам категорически запрещено, а вот остальные действия, приветствуются, но лишь для того, чтобы, особо рьяные служаки нам не слишком мешали.

– Надеюсь, ещё не забыли наш рейд в немецкий концлагерь в 1945 году?

– Да, занятая была заварушка, но, как мне помнится, она нам чуть боком не вышла.

– Предстоящее дело тоже не менее вонючее и не совсем законное, но нам его надо обязательно проверить.

– Не томи, командир, хватит ходить вокруг да около, осве-

ти суть дела, – сердито привстал с кресла Влад, – мы с Гиви за тобой хоть на край света.

– Нам придётся анонимно и можно сказать, незаконно, посетить одно, не очень приятное место, находящиеся в северной части одной из среднеазиатских республик.

– Твою же благородную мать, боюсь ошибиться – опять лагерь, но на нашей территории? Эти заведения вряд ли будут располагать на черноморском побережье.

– Да Влад, ты прав, но попрошу это держать в строгой тайне от остальных членов группы, при неудаче, я хочу, чтобы пострадали только мы и никто больше. Нужно максимально ограничить круг людей, посвящённых в нашу операцию. При неудаче нашего мероприятия запахнет не только трибуналом, но и расстрелом.

– О, шени деда шевеци, даже так? – заинтересованно вскинул голову Гиви, – я в деле, а ты, гуманист хренов, что, успел уже в штаны наложить?

– Абрек, не болтай ерунды и угомонись, давай дослушаем командира. Шульга поудобней устроился в кресле, закинул ногу за ногу и внимательно обвел друзей взглядом.

– Почти весь Северный Казахстан, а это сотни километров безлюдной пустыни – сейчас фактически одна большая зона. В этих местах почти нет обычных аулов с жителями и нам будет очень трудно будет выдать себя за местных. Местные казахи очень подозрительны и бдительны. Нас мигом заметят и могут принять за беглых заключенных, и, либо нас рас-

стреляют на месте, либо сносят в подвалах, выбивая нужные показания. Но неожиданно выпала удача, нам не придётся тащиться на край географии к белым медведям, или в студёную тундру, где испражняться ходят по двое – один приседает, а другой замерзшее дерьмо отбивает. Нам повезло, действовать придётся в пригороде Актюбинска, Казахской ССР, где живут не только казахи, но и русские, ссыльные немцы, грузины, чеченцы, греки и уйгуры и нам без труда удастся слиться с местным населением. Исправительно-трудовой лагерь п/я 105, находится в пригороде Актюбинска, в простонародье – Актюбинсклаг, где более пятнадцати тысяч заключённых заняты на строительстве ферросплавного комбината. Как будто в насмешку, все наши лагеря НКВД специально построены в крайне холодных районах нашей страны таким образом, что из них почти невозможно сбежать, да, это невозможно, но только если с другой стороны колючей проволоки никто беглецам не будет помогать. Ни заграждения, ни колючая проволока, ни вооружённые солдаты на вышках, ни тщательно грабленая контрольно-следовая полоса в запретной зоне, нам будет не помеха и вопреки сложившемуся мнению, побег из «стоятки» всё-таки возможен, надо нам лишь хорошо подготовиться.

– И что же это будет за подготовка? Кого идём выручать на этот раз и как это будет происходить?

– А выручать мы будем наших однополчан, братьев-калмыков!

– Кого? – почти одновременно спросили Влад и Гиви, – они разве не продолжают службу в Особом отделе фронта, после операции по освобождению Глории Риччи? Вот это номер!

– К сожалению, после нашего рейда, их, не привлекая особого внимания, тихо ночью арестовали и, чтобы они слились с местными, отправили в Казахстан, как ни бились на самом верху за них Григорьев и комиссар 2 ранга Олейников, ничего им не помогло. Есть Постановление СНК СССР № 1432/425сс «О выселении всех калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР», изданное ещё 28.12 1943 года. Генерал Григорьев, пока братья находились у нас, как мог прикрывал их, сменил в документах национальность, но как только они вернулись в свою часть братьев уволили с военной службы и арестовали.

– Но ведь они калмыки-сарты, уроженцы Киргизии и никогда в Калмыкии не жили!

– Верно, – поддержал Влада Гиви, – я же их кыргызами звал!

«Калмыков-сартов реабилитировали на 10 лет раньше, чем титульных калмыков, реабилитация всех титульных калмыков произошла только в 1956 году. (А. Хан-Р)

– Тут всплыло ещё одно вонючее обстоятельство, на основании которого, наш Дед получил негласное «добро» на эту операцию! После твердого заверения Григорьева о политической стойкости братьев, одно высокопоставленное по-

литическое лицо, заявило, что поможет нам, но инкогнито. Его имя нигде не должно фигурировать и произноситься. О ком я говорю, вы прекрасно знаете. Дело в том, что в приграничном Китае нашими разведчиками было зафиксированы прояпонские настроения со стороны калмыков, живущих в этом районе, которые призывали всех «ожидать японского наступления с востока» и приветствовать последующий разгром РККА, а также настойчиво подчёркивали расовое и религиозное родство калмыков с японцами, но к счастью, распространения среди прочих калмыков эта бредовая идея не получила. Братья должны устранить руководителей, пресечь эти разговоры и поговорить с живущими там калмыками.

– Мы им в этом поможем, – оживился Гиви.

– После долгого совещания с генералом Григорьевым, решили, что силовым и методами мы их не освободим, а только накличем беду на себя и на братьев. В деталях, обеспечение транспортом, гражданской и военной одеждой, нам поможет генерал Григорьев и еще одно высокопоставленное лицо, имени которого Дед мне не раскрыл, но обещал, что нам никто препятствий чинить не будет.

– И на этом спасибо, – недовольно буркнул Гиви, – ведь как чувствовал, что не дадут порезвиться!

– Не ной грузин, – Влад натянул ему пилотку на глаза, – в Китае мы с тобой с удовольствием ещё порезвимся. А братьев надо выручать, тем более, что они жуть как похожи на китайцев, а это нам на руку! Шульга одобрительно похлопал

Влада по плечу, – Мы не будем учинять маленькую войну, как мы поступили при штурме немецкого концлагеря, там был враг идейный и жестокий, здесь же будут кругом советские люди, которые в силу военного устава, призваны охранять и следить за порядком в ИТЛ. Мы поступим другим образом, нам придётся действовать нагло и дерзко, но без смертоубийства. Мы легально, при полном параде, приедем в Актюбинск по подложным документам, коих нам предоставит Григорьев, вывезем братьев-калмыков на новое следствие по якобы вновь открывшимся обстоятельствам.

– Сколько у нас времени, до Актюбинска почти полторы тысяч километров?

– Полетим туда и обратно самолётом, Дед уже договорился, самолёт нас будет ждать на военном аэродроме, который находится в нескольких километрах от города, куда посторонним входа нет, нам с братьями, надо добраться туда как можно быстрее. На всё про все, у нас будет всего час-полтора или чуть больше. Пока администрация позвонит куда надо, уточнит легальность наших документов, пробьёт наши имена и естественно, уличив подвох, тут же вышлет вооружённую команду на наше задержание. Всё понятно, давай, дуйте в свои комнаты и собирайтесь. Да, шепните Вике и Раечке, что я их здесь жду. Они поедут с нами.

– Командир, вызывал? – первой показалась в дверях Виктория, она, как чувствовала, что ей предстоит дальняя дорога, пришла при параде, золотом блестели погоны, на прилич-

ной груди, громоздили награды разного достоинства.

– Что вырядилась как на парад?

– Начальство, в такое позднее время, просто так не вызывает.

– Где эта неугомонная, какие черти её задерживают?

– Вы про Раису, она стирает своё бельё, сказала, что будет с минуту на минуту. Прибежала запыхавшаяся Раечка, беглым взглядом Шульга окинул фигурку девушки, точно, белья на ней не было, торчковые груди смотрели под гимнастёркой в разные стороны, а на ядрёных ягодицах не было характерного рубца от трусиков. У Колымы заняло всё внутри, так хотелось её тут же прижать и совершить плотское безобразие прямо тут на столе, но времени было в обрез, во дворе их уже ждала машина.

– Собирайтесь девушки, мы срочно выезжаем, все разъясню позже. Личные вещи не брать, сменить одежду на гражданскую, но парадные мундиры прихватите с собой. Всё, вперед. Через несколько минут группа, переодетая в гражданскую одежду, уже мчалась по расхлябанной дороге в сторону аэродрома. Говорить никому не хотелось, все прекрасно понимали, чем им это может аукнуться.

В пыльный Актюбинск группа прибыла на рассвете, несмотря на утренней время, было душно, поднялся ветер и пыль дружно закрипела у всех на зубах. Перед посадкой, пилот молча сунул в руки Шульге увесистый пакет, заклеенный сургучом и козырнув, вернулся в кабину. Быстро вскрыв

пакет Шульга, мельком взглянув на фотографии, раздал удостоверения личности с гербом СССР и большими буквами «НКВД», на развороте, перед порядковым номером красовались буквы «ЮД», такие удостоверения выдавались только офицерам по специальным поручениям лично Лаврентием Берия. Военские звания были указаны у всех настоящие. Шульга хмыкнул, подивился расторопности Григорьева, ну что же, игра началась и надо соответствовать. Прямо у самолёта их ждал потрёпанный тентованный Студебеккер, натружено урча мощным двигателем он тут же выехал через КПП аэродрома и резво покатыл в пустыню.

В лагере уже сыграли подъем и зеки, припираясь и сквернословя, потянулись в столовую на скудный завтрак. Впереди, как всегда, шагала разномастная «шерсть» – так называли здесь блатных воров и их шестёрок. Братья, проклиная все на свете, с трудом, еле передвигая ноги, шагали в колонне таких же бедолаг. Им выдали очень тесные ботинки, которые за ночь, высыхали от местного жаркого климата так, что по утру их невозможно было надеть, не смочив холодной водой. Но утром этот поход в столовую ещё можно было стерпеть. Хуже было, когда после завтрака, так называемая зона специального назначения №105, начинала готовиться к утреннему разводу на работу. Тот ещё был цирк. Староста лагеря, с красной, откормленной мордой, выкрикивал номера работяг и выстраивал их в неизменные четвёрки. Почему-то в лагерной жизни староста всегда был из проштрафившихся во-

ров, да и администрация лагеря к блатным всегда относилась снисходительно. Старшой лагеря представлял собой огромный кусок сала, только по великому недоразумению, снабжённый конечностями и головой, словно прилепленной к кадушкообразному туловищу.

И уж совсем было худо, когда их, построив в четверки, скопом знали за три километра на работу по специально построенному, узкому, огороженному колючей проволокой, проходу, проход был настолько узок, что иногда зеки плечами задевали шипастую проволоку, летом это оставляло на плечах рваные раны, а зимой на проволоке висели вырванные клочки ваты. Останавливаться в проходе было категорически нельзя, сразу следовал звериный окрик и в небо, предупреждая, противно жужжа, летели пули из автомата, следующие выстрелы незамедлительно были направлены в замешкавшийся зека. Братья прибыли в лагерь полгода назад, и благодаря отменному здоровью не перешли в разряд доходяг, но уже чувствовали, что надолго их не хватит и очень скоро они выдохнуться и окончательно выбьются из сил. Изнурительная работа и скудный рацион местной столовой, делали всё, чтобы здоровый мужчина, превратился через некоторое время, в ходячий скелет. Этому всячески способствовала администрация лагеря.

В каком лагере бы ты не находился, ты будешь там всегда один, людей вроде дофига, кипит жизнь, если это можно назвать жизнью, но ты все равно один. Спасало лишь то, что

братьев было двое и они всегда друг за друга стояли горой, лагерная жизнь их очень скоро научила незыблемому правилу, что рассказывать о своей непутевой жизни и делиться своими бедами и невзгодами здесь не принято, в этих тюремных джунглях расслабляться смерти подобно, здесь ты должен быть волком и жрать себе подобных, иначе сожрут тебя.

Нельзя о себе рассказывать больше положенного, не давать пищу для размышлений, это считается слабостью и при случае, все твои рассказы про праведный образ жизни на воле, при случае, тебе обязательно припомнят, но в негативном ключе. Надо искусно врать, врать и врать, но так, чтобы твои небылицы невозможно было проверить. По твоим рассказам о твоей «кучерявой» жизни на воле, о твоей бесшабашности и загульных пьянках, бесконечных половых актах в извращенной форме с очень молодыми давалками, будут судить о тебе, как о человеке, который вел свой разудалый образ жизни без оглядки назад и невольно ты в их глазах будешь подниматься до невообразимых высот. Не всем это дается, надо иметь прекрасно подвешенный язык и широчайший кругозор, где в первую очередь почитается начитанность и правильный русский язык. Так братья и поступали, но дозированно, опуская имена и место действия, они, где откровенно ввали, а где пересказывали целые главы из прочитанных книг.

Братьям давно осточертело смотреть на проволочные заборы лагеря, звереющую на вышках охрану, стреляющих по

любому поводу в толпы голодных и измученных людей. В голове роилась лишь одна мысль – бежать, иначе они здесь долго не протянут и обязательно подохнут. Климат здесь был резко континентальный, летом невыносимая жара до +45, а бесснежной зимой, убийственный холод до – 45, при сумасшедшем ветре.

Вдруг в колонне пошло что-то не так, голова колонны резко остановилось, задние, подгоняемые прикладами автоматов, начали напирать, народ повалился на землю. Тут же раздалась команда начальника караула: «Всем сесть на землю» и зеки мигом повалились на землю. Медлить нельзя – в ответ прилетит пуля. Начальник караула бегом отправился в голову колонны. Через несколько минут, вернулся и заорал во всё горло, – Заключенные Аршан и Бадма Цеденовы есть в колонне? Сзади Бадму толкнул в спину один из приклатнённых зеков, —Эй, убогие, это не по вашу ли душу, весь этот кипеж? В колонне больше нет никого с такими чудными погонялами.

Аршан схватил руку Бадмы и обе поднял вверх, —Да здесь, осуждённые Аршан и Бадма Цеденовы по ст. 58-1г к 10 годам соответственно.

– Вернуться срочно в лагерь, остальным встать и продолжать движение. Живо!

От общей группы конвоиров отделились два солдата и стали по обе стороны колючки, – Повернуться, руки назад, малейшее неповиновение стреляем на поражение. Вперёд!

– Да понятно-понятно, что там говорить, – пробормотал Аршан и двинулся вслед за братом. Они терялись в догадках, что случилось и зачем их неожиданно вернули с работы? Такое здесь было редкостью, обычно, с работы волокли зеков или ногами вперёд, или в холодный карцер.

Неизвестный грузовик лихо подкатил и резко затормозил у главных ворот лагеря. С двух вышек, стоящих по обе стороны ворот их с интересом, стали разглядывать два солдата, автоматы ППШ были направлены на грузовик. Шульга с отвращением окинул взглядом ряды колючей проволоки, поправил парадный китель, с погонами подполковника, где красовались два ряда всевозможных наград и спрыгнул с подножки на землю.

– Всем оставаться на своих местах, старшему офицеру подойти, – раздалось из-за забора, в окошке показалось усатое лицо начальника караула. Предъявите документы. При виде удостоверения с литерами «ЮД» и красной полосой на двух сторонах удостоверения, лицо начальника караула вытянулось и мгновенно превратилось в заискивающее. С этими людьми перечить – себе дороже.

– Какими судьбами, товарищ подполковник в наши края?

– Тебе это необязательно знать капитан, немедленно вызовите мне начальника спецчасти и начальника режима лагеря. Он небрежно махнул рукой, группа быстро спрыгнула с грузовика и построилась.

– Васильева и Бродская, – в приказном порядке, по вы-

мышленным фамилиям, обратился Шульга к лейтенантам, – приступить к охране автомобиля, остальным, передать лейтенантам автоматическое оружие и подойти ко мне. И уже вполголоса, – Личное оружие держать наготове, не глазеть и не задавать лишних вопросов, здесь этого не любят. Но на мужчин уже никто не обращал внимание, все солдаты на вышках во все глаза стали разглядывать девушек. Такое здесь не всегда увидишь. А девушки, с распущенными волосами, в коротких защитных юбчонках, в парадной форме и в изящных хромовых сапожках, стали подыгрывать им, схватив автоматы, они, расстегнув верхние пуговицы парадного кителя, застывали в разных эффектных позах, что вызвало у солдат восторженные цоканье и одобрение. Загремели заставы и показался упитанный майор в общевойсковой форме и капитан спецчасти, увидев Шульгу, они подобрались и чеканя шаг, двинулись к нему.

– Предъявите документы товарищ подполковник, – обратился к нему майор. Колыма неспешно вынул из нагрудного кармана удостоверение и в развёрнутом виде сунул ему в лицо. Увидев литерные буквы в начале номера, майор стал еще стройнее и все пытался безуспешно втянуть свой необъятный живот, что у него получалось весьма плохо.

– Отожрался урод на зековских харчах, – зло подумал про себя Шульга. За удостоверения он не беспокоился, они были у всех подлинные, но с другими фамилиями и именами. Все, кроме него, на время, стали лейтенантами.

– Прибыли мы из Москвы с специальным заданием, о котором я не уполномочен распространяться. По вновь открытым обстоятельствам нам нужны два ваших осуждённых. Вот документы о передаче нам Аршана и Бадму Цеденовых, для этапирования их в Москву. Вперёд выступили Гиви и Влад и встали по обе стороны от Шульги. Майор быстро пробежал глазами требование, более внимательно прочитал подписи, его лицо перекошилось и, как от приговора о собственном расстреле, он трясущими руками, быстро передал документы начальнику спецчасти.

– Немедленно выполнять, – рявкнул он и заискивающе взглянув в глаза Шульге, стал приглашать на территорию лагеря, где сходу предложил помыться в бане со всеми сопутствующими деталями кино, вино, домино и водка с бабами. Всё это он объявлял довольно громко, при этом Шульга заметил, как неприятно дёрнулось лицо Раечки.

– Майор, окстись, мы в эту жопу мира, за полторы тысячи километров, приехали засвидетельствовать вам почтение и водку с бабами пить? Нам этого добра и в Москве хватает. Где зеки, майор? Поторопитесь! Начальник спецчасти стал что-то шептать на ухо майору, но Шульга жестом грозно остановил капитана, – Так капитан, что это за фамиллярность, или вы устав забыли? Как вы обращаетесь к майору в присутствии офицера старшего по званию? Или вам помочь сменить место службы на более подходящее, где устав превыше всего, а белые медведи будут составлять вам един-

ственную компанию?

– Виноват, товарищ подполковник, но осужденные Цеденовы сейчас на промзоне и вернуться только к вечеру.

– Немедленно вернуть в расположение лагеря.

– Есть, сейчас будет исполнено.

Через двадцать минут в проходе показалась процессия, братья шли внутри проволочной галереи, а снаружи их сопровождали два сержанта с автоматами на перевес. Шульга отвернулся и чуть согнул ноги, он не хотел, чтобы братья его сейчас узнали, такой удар судьбы, эмоционально не каждый выдержит. Он сам, в своё время, чуть не потерял сознание, когда пришла бумага о его освобождении. Девчата тоже отвернулись, но как не скрывай, а красоту и фигуру не скроешь. Бадма впился глазами в лицо Раечки и ноги стали самопроизвольно подкашиваться, ничего не понявший брат, обладавший не таким хорошим зрением, быстро подхватил его и почти волоком потащил к выходу из галереи. Только вблизи он узнал Гиви и Влада, но виду не подал и еще крепче стал держать Бадму, при этом он отворачивал ему голову в противоположную сторону от бойцов. После определённых формальностей, идентификации личности, подписи, ничего в действительности не значившие, скомканное прощание с лагерными офицерами, Шульга торопливо отдал честь и быстро сел в кабину грузовика. Братья калмыки обвели взглядом проволочные заборы лагеря, вооружённую охрану, толпы голодных, измученных заключённых, плюнули одно-

временно в сторону запретки и направились к грузовику

Гиви и Влад вынули наручники, защелкнули на руках братьев и тычками погнали их к машине. Бадма пытался что-то сказать, но Влад незаметным тычком в область солнечного сплетения, перебил ему дыхание, Бадма задохнулся и потерял сознание. Безвольное тело быстро закинули в кузов, Аршан взобрался сам, все погрузились, и машина тронулась. Пятнадцать минут гонки, если это можно назвать гонкой по разбитой в хлам дороге и автомобиль остановился в низине возле скудной речушки.

– Ну, сидельцы, здорово что ли? Ещё не окочурились на казенных харчах? Значит будете жить долго, – по верху борта кузова показалось довольное лицо Шульги, – хорошо, что вас не отправили на Колыму, там сейчас непроходимые болота и мрак от гнуса и комаров. Так Симонова, приведите в чувство своего боевого товарища, что он такой квёлый? Раечка жестом стукнула щелчком по горлу, Гиви и Влад поняли, откупорили фляжку со спиртом и поднесли братьям, — Давай генацвале, пейте за своё благополучное освобождение и пожалуйста, больше в такие заведения – ни ногой. Ослабевшие братья быстро захмелели, они всё ещё не понимали, что с ними произошло, без сил они опустились на пол кузова и вид у них был весьма ошарашенный.

– Времени у нас в обрез, быстро переоденьте братьев и в путь. Раечка с Викторией, без малейшего стеснения, содрали с них зековскую робу, выкинули за борт уродливые чето-

зы (ботинки из грубой кожи, без шнурков), не забыли про исподнее, быстро переодели их в чистую, не бросающийся в глаза, одежду и автомобиль ходко двинулся к аэродрому. Уже в самолете, нервное напряжение у всех спало, и Шульга решил расспросить братьев.

– Ну бедолаги, давайте рассказывайте. Надеюсь не пытались бежать?

– Командир, куда мы пойдём без документов и денег, когда кругом лагеря, посты и патрули, мы и десяток километров не смогли пройти, как нас схватили бы и отняли последнее здоровье, вы же знаете, что при поимке, нас могут расстрелять на месте и будем мы растерзанные лежать возле вахты много дней, в назидание другим. Нас заключенных по 58-й статье, здесь не очень жалуют и при малейшем неповиновении сразу расстреливают. К таким как мы снисхождение не полагается, а только усугубляют нам жизнь с каждым днём. Здесь, нормальная жизнь почти невозможна и по сравнению с тем немецким концлагерем, который мы разгромили в начале 1945 года, почти такое же гиблое место и вдвойне обидно, что нам такую жизнь устроили не немцы, а свои русские люди. Братья ещё не до конца верили, что их кошмар уже закончился.

– Мне это очень хорошо знакомо, сам провел в таких местах несколько лет.

– А нас не поймают? За нами следом ведь пойдёт формуляр, где черным по белому будет написано: совершили дерз-

кий побег из ИТЛ105 и к не отсиженному сроку, в десять лет тюремного заключения с последующим поражением в правах на последующие пять лет по ст. 58-1г, добавят ещё десятку за побег...если доживём конечно до суда. А вы понимаете, чем вы рискуете? Недонесение и пособничество со стороны военнослужащего о готовящейся или совершенном побеге, влечет за собой лишение свободы до десяти лет. Это не шутки!

–Так вот сука, на ком он смог отыграться, – заскрежетал зубами Шульга, всё-таки он отомстил мне за Глорию и Дрона. Ну дела!

– Ваши опасения напрасны, мы не выдумывали вам вычурные имена и фамилии, а выбрали первые попавшиеся, теперь вы военнослужащие особого отдела №4 СМЕРШ 48-й армии, которая дислоцируется в Забайкалье, старшие лейтенанты Аркадий и Борис Петровы, по национальности вы тувинцы.

– Извините, кырзызы, но мы никак не могли вам дать грузинские фамилии – носом не вышли, да и глаза у вас почему-то зажмуренные, – заржал Гиви и похлопал их по плечу. Все нервно засмеялись, это был итог их опасной операции. Вдруг, как по команде, все затихли и незаметно всех сморил сон. Лететь было еще четыре часа...

Глава третья 16

За три дня до этих событий. Москва

Генерал Григорьев опаздывал на встречу с агентом, кото-

рый прибыл из Северного Китая и торопил своего водителя, — Давай-давай Паша, кто тебя водить учил — черепаха Тортила, что ты как столетний дед еле-еле гладишь акселератор?

— Да еду я, товарищ генерал, еду, давно я вам говорил, что карбюратор пора менять, двигатель захлёбывается и не развивает полную мощность.

— Будет тебе карбюратор, не трюнди, я... но его прервал громкий зуммер автомобильной радиостанции, — Генерал Григорьев? — раздался голос в наушнике, — Да, я вас слушаю, — Вас ждёт заместитель наркома, генерал-лейтенант Олейников.

— Через пятнадцать минут буду в управлении, — и отключившись, ругнулся.

— Черт возьми, как же это некстати, — посетовал в слух Григорьев, — на самом интересном месте. Ничего не поделаешь, к начальству опаздывать нельзя.

— Давай Паша разворачивайся, едем на Лубянку в Управление спецопераций, в 6-й отдел.

— А этим хитрожопым интриганам, что от нас вдруг понадобилось? Это же не наша епархия!

— Так старший лейтенант, за такие вопросы, тебе никогда не быть капитаном.

— Молчу, товарищ генерал, молчу, — сразу сник Павел Буйнов. Генерала он знал давно, еще с фронта, и если он перешёл на официальный тон, то не стоит усугублять и лучше промолчать. Эмка, завывая, дышащим на ладан, двигателем,

рыкнула в последний раз и остановилась у главного входа в Управление. Предъявив удостоверение дежурному, он поднялся на второй этаж и вошёл в приемную, где вышколенная секретарша, немедленно, проводила его к комиссару.

– Здравствуйте, Андрей Семёнович, – из-за стола поднялся генерал-лейтенант Олейников – крепкий пятидесятилетний мужчина с резкими чертами лица, – проходите и устайвайтесь поудобней, разговор наш будет не из приятных, но он не терпит отлагательств, – Валечка, принеси нам по стакану чая с лимончиком и нас не беспокоить, все встречи перенеси на вечер. Григорьева он знал давно, однако, учитывая его жесткий и бескомпромиссный характер, дружбы с ним не водил, но уважал за профессионализм и способность выкрутиться из любых щекотливых ситуаций.

– Ну что генерал, разрешите вас поздравить с Победой, сколько же мы не виделись?

– С августа 1944 года, если мне не изменяет память.

– Точно, я командовал ещё Особым отделом 54-й армии.

– Товарищ комиссар, может быть мы перейдём сразу к делу?

– Узнаю ершистого Григорьева, вы не меняетесь, ладно, к делу так к делу.

– Что вы знаете о надвигающихся событиях на Дальнем Востоке?

– В рамках того, что мне положено знать, политика не моё дело, я человек военный, прикажут буду действовать, а пока,

война закончилась и пора видимо мне снимать погоны и уходить на покой. Устал я воевать, двадцать пять лет под погонами, пора и честь знать. Уеду в деревню, разведу кур, сад высажу, я ещё не безнадёжно стар может быть найду прекрасную деревенскую женщину и буду жить поживать, да добра наживать.

– Прекрасная перспектива для боевого генерала, прошедшего три войны. Такими специалистами как вы, мы не можем разбрасываться, на, читайте приказ наркома НКВД СССР.

– Я уже давно, с дня образования СМЕРШ в 1943 году, не состою в рядах НКВД, а приписан к Министерству Обороны и мои командиры кадровые военные, а не... – Григорьев запнулся, подыскивая слова, но вовремя опомнился и замолк.

– Ну продолжайте, продолжайте, что же вы примолкли? Сейчас придётся забыть все разногласия и недомолвки, которые происходили между нашими ведомствами и сплотиться для одного немаловажного события для нашей страны. Надеюсь вы в курсе, что на Дальнем Востоке зреет ещё одна война, но на этот раз с союзником Германии, с милитаристской Японией? Мы подозреваем, что Япония является главным организатором в подготовке бактериологической войны на советской территории и ряде других стран. Что скажете, генерал?

– Пока ничего определённого, я сегодня собирался получить информацию от одного человека, но вы меня перехва-

тили.

– Вы торопились на встречу с агентом, прибывшим из Северного Китая? Не стоит его светить, всю информацию вы сейчас получите от меня. Вести более чем тревожные. Нужна ваша группа в полном составе.

– Что в окопы решили послать мой диверсионный отряд? Так у меня не пехота и даже не танкисты, душно им будет в окопах-то. Им простор нужен, риск и мозговой штурм на грани срыва, а нажимать на курок у нас для этого людей предостаточно, вон, десять миллионов опытных бойцов под ружьём.

– Уже нет, после объявления демобилизации осталось пять миллионов с копейками.

Григорьев, взорвался, – Давайте прекратим этот беспредметный разговор, переругиваться с вами "собачим" ртом, как говорил наш царь Иван Грозный, я не хочу и не буду. Для чего я вам всё-таки понадобился? Ведь мы работаем в разных структурах.

– Почему вы генерал никогда не идёте на компромисс и неожиданно перешёл на «ты», – почему ты Григорьев, так неудобен в жизни, а, генерал?

– Знаете, что, если бы я хотел быть удобным для вас всех, я бы родился... диваном!

– Не забывайте товарищ генерал, все-таки я пока ещё комиссар госбезопасности и попрошу соблюдать субординацию. И возьмите себе за правило, никогда не разрушать чу-

жих иллюзий, это может для вас очень плохо закончиться.

– Виноват, товарищ комиссар! И всё-таки, зачем я вам сдался?

– Сейчас ты будешь слушать меня, а потом уже задавать вопросы.

Григорьев напрягся, ситуация всё больше и больше начала ему не нравиться.

– Ещё до начала войны многим русским и китайским жителям Харбина было известно назначение бактериологической лаборатории у посёлка Пинфань. Информация о нем регулярно поступала к нам, в Генконсульство СССР. К тому же, наша разведка донесла, что среди местного населения уже давно ходят слухи про настоящий завод бактериологического оружия на станции Пинфань, сейчас мы собрали немало информации о нем. Всё подтвердилось. В Пинфань, базируется так называемый «отряд 731», численностью около трёх тысяч человек. Сейчас я перехожу к главному, это специальный отряд японских вооружённых сил, занимающийся исследованиями в области биологического оружия, все опыты там производятся на животных и живых людях. В этом отряде также проводятся бесчеловечные опыты с целью установления количества времени, которое человек может прожить под воздействием разных факторов (кипяток, высушивание, лишение пищи, лишение воды, обмороживание, электроток и вивисекция живых людей. Инициатором создания такого отряда стал правящий японский император

Хирохито, биолог по образованию. Он всегда говорил, что развитая наука – лучший помощник в войне, поскольку помогает создать оружие, способное быстро уничтожить целые страны. Он верил, что под его началом Япония сможет поработить всех и добиться мирового господства. Отстранив резким движением стаканы с чаем, комиссар достал из сейфа бутылку коньяка и вылив остывший час в кадку и фикусом, наполнил стаканы коньяком.

– «Отряд 731» имеет несколько подразделений. Первое подразделение занимается проведением экспериментов с вирусными заболеваниями, включая бубонную чуму, холеру, сибирскую язву, брюшной тиф и туберкулёз. Испытуемых намеренно заражают различными вирусами, чтобы изучить их влияние на организм человека. В результате таких экспериментов погибло немало людей, поскольку они в большинстве случаев жили в общих камерах. Японцы варварскими способами изучают пределы выносливости человеческого организма в определённых условиях, например, на больших высотах или при низкой температуре. Для этого людей помещают в барокамеры, фиксируя на киноплёнку агонию, обмораживают конечности и наблюдают наступление газовой гангрены. Если иной человек, несмотря на заражение смертоносными бактериями, выздоравливает, то это не спасает его от повторных опытов, которые продолжаются до тех пор, пока не наступит смерть. Эти люди никогда не покинут пределы лаборатории живыми. Также практикуют живое

вскрытие человека, у подопытных без наркоза или под местной анестезией, постепенно извлекают все жизненно важные органы, один за другим, начиная с брюшины или с грудной клетки и заканчивая головным мозгом. Ещё живые органы, уходили на дальнейшие исследования в разные отделы отряда.

– К чему вы мне всё это рассказываете, товарищ комиссар?

– Нам надо, ещё до начала наступательной операции в Маньчжурии, раздобыть, вполне конкретную и достоверную информацию о японском бактериологическом оружии. Эта миссия возложена на вас, генерал, вашей группе «Игла» придётся тайно отправиться в Северный Китай.

– Куда, в Китай? – поразился Григорьев, – но там же японцы? За каким чёртом мы туда погрёмся? Там же одни безбашенные люди, которые, словно уже умирали однажды и им это очень понравилось! У японцев даже есть этому оправдание: «Живи так, словно твоё тело уже умерло, и ты придёшь к своей цели». Во как! Они же сплошь идейные фанатики! А вот мои люди отнюдь не бесшабашные самураи или убийцы-камикадзе, с которыми им там придётся встретиться, они пока не собираются умирать за просто так, во время проведения этой опасной авантюры.

– Начало новой войны вы считаете авантурной заварушкой, я правильно вас понимаю, товарищ генерал? – перешёл опять на официальный тон, Олейников, – или скисли после

Победы? Сомневаюсь! Мне рассказывали о вас легенды. Чего стоят только ваши сумасшедшие вылазки за линию фронта и что ваша группа слывёт теми ещё головорезами, не считая того, что в группе есть несколько женщин! Не хотел бы я повстречаться с ними в прямом бою.

– Больше всего не хотим войны, мы, военные! Нам, как никому, известен тот кошмар, который начинается с началом прямых военных действий, но пока официального заявления никто не видел и не слышал. А дальше видно будет. К сожалению, Григорьев ошибался, на верху решение было уже принято и ещё в июне стартовала активная подготовка Маньчжурской наступательной операции. Тайком, не привлекая внимания, советские войска, по железной дороге, ночами, начали перебрасывать на восток. Вся работа велась в режиме строгой секретности.

– Я вынужден буду обсудить этот вопрос с командиром группы подполковником Шульга и принять правильное решение по этой операции. Моя интуиция подсказывает мне, что там запросто можно сломать себе шею.

– Твоя интуиция и эфемерное подсознание перестраховщика никого не интересует, мне нужны только железобетонные ответы – готова ваша группа или не готова. Всё!

– Послушайте, почему вас интересуют только те сведения и факты, которые прекрасно укладываются в ваш план? Мне известно, что существует несколько решений по этому вопросу?

– Факты мне нужны для анализа и логических размышлений, но вот только интуиция и человеческое подсознание является источником божественного прозрения и не каждому это дано, или я неправ?

– Поступайте как знаете, но вот моё вам мнение – я в этом не участвую!

– Генерал, – я поинтересуюсь вашим мнением, когда сочту это необходимым.

– Надеюсь, что это время скоро настанет. Вы отдаёте себе отчёт в том, что вы нам предлагаете? Ведь это самоубийство посылать в азиатскую страну группу, поголовно состоящую из людей европейской наружности! Это же просто верх непрофессионализма, комиссар. Несусветная глупость и оголтелое упрямство, подающееся как принципиальная позиция. Их же всех там, если не поубивают как котят, так заразят каким-нибудь смертельным вирусом!

– Хотите, чтобы я о вашем заявлении доложил наркому товарищу Берия?

Григорьев приуныл, он понял, что всё уже давно решили за него и без него. Делать нечего, чтобы не накликать на себя беду надо соглашаться, но не сразу, а постепенно и дозировано.

– Без вирусологов и эпидемиологов группа в Китай – ни ногой! Будет так, как я сказал, иначе, никакой рейд в Чанчунь, без этих специалистов не состоится. Олейников торжественно улыбнулся, – Давно бы так, генерал! В вашу группу

вольются ещё с десятков человек из бригады особого назначения НКВД СССР (ОМСБОН) для прикрытия и будет прикреплена парочка чудаковатых учёных в области эпидемиологии и биохимии.

– Как я такой оравой буду руководить? У меня сейчас всего один командир, который может справиться с этой задачей. Это подполковник Шульга, правда есть ещё один, но вы его куда-то запрятали так глубоко, что даже я не могу его обнаружить.

– О ком идёт речь?

– О лучшем специалисте по таким рискованным операциям – полковнике Глебове.

– Я вас услышал и больше не смею вас задерживать, – комиссар сел за стол и углубился в документы. Но у двери, когда генерал Григорьев, покусывая губы от негодования, собирался покинуть кабинет, он остановил Григорьева, – А ваше предложение о Глебове, мы обсудим на оперативном штабе специальных операций. Попрошу вас тоже там обязательно присутствовать. Григорьев облегчённо вздохнул, повеселел и улыбнулся краями губ, – ну наконец-то, через три года, он заполучит то, что хотел целую вечность. Глебов и Шульга – это единственная связка командиров, которая справиться с любой задачей. Они понимают друг друга с полупамятка и без слов. К тому же Глебов более трёх лет не видел свою семью.

– Значит, вы генерал, без участия в операции полковника

Глебова, отказывается руководить группой?

– Я всё сказал! И, чтобы не наговорить лишнего, Григорьев развернулся на месте и бросив через плечо комиссару, – Честь имею, – покинул высокий кабинет. На душе было гадко.

– Вот же чёртов упрямец, – вздохнул комиссар, придвинул к себе телефон ВЧ и набрал номер начальника внешней разведки.

Несмотря на то, что Григорьев был ошеломлён этой новостью, он вышел в приподнятом расположении духа, пусть маленькую, но победу он одержал. Шульга – это хорошо, а вот Шульга и Глебов – это очень даже хорошо! Деду, ох как не хотелось посылать свои проверенных и надёжных людей в эту неизвестную страну и откровенно говоря, непонятно зачем. Какие вирусы, какая к чёрту чума и холера. Война же кончилась, пора забыть весь этот кошмар с убийствами, взрывами и рейдами за линию фронта. Но поделать он ничего не мог. Почти выбежав из Управления, он незаслуженно отругал водителя Павла за нерасторопность и приказал немедленно ехать в Рязань...

...Через пятнадцать минут вся группа подполковника Шульга собралась у автобуса. Григорьев ходил смурной, у него непьющего, невыносимо болела голова. Он указал на фляжку с водой, прикреплённую на пояском ремне водителя и мгновенно опорожнил её.

– Всё друзья, всем в автобус и вперед, нас уже ждут на подмосковном аэродроме. Братья Петровы, ко мне!

– Ну что, вдоволь нахлебались тюремной баланды? Как вы умудрились попасть туда, ведь вы калмыки-сарты и ни разу не были в Калмыкии?

– А с нами никто не разбирался, медвежью услугу нам оказал рейд в немецкий концлагерь по освобождению Глории Риччи. Также усугубило наше положение невозвращение Дрона в СССР.

– Вот как? А вы тут причём? Это было решение лишь одного человека, неужели оно повлияло на вашу дальнейшую жизнь или это политическая акция?

– Мы не знаем, нам с кондачка, сходу, всунули по ст. 58-1г, припаяли по десятке и поехали мы в казахстанскую пустыню строить какой-то химический завод.

– Дед, а вы уже определили откуда ветер дует? – поинтересовался Шульга.

– О да, Колыма, кадровый СМЕРШ они побоялись трогать, слишком влиятельные люди стояли за нами, но крайних надо было найти во что бы то ни стало, а тут такая оказия, прикомандированные люди, да ещё калмыки. И понеслась душа в рай.

– Сдаётся мне, что всё впоследствии спустили на тормозах не без непосредственного участия Глории Риччи? Ведь она по-прежнему работает на нас, но только более осторожно.

– Колыма, прикрой быстренько рот и придержи свой пыт-

ливый ум, не стоит разглашать детали государственной тайны, им это знать не положено. Всё, едем!

Через два часа, они уже были в самолёте и взяли курс на один из аэродромов Подмосковья.

Москва. Утро 3 августа 1945 года.

На военном аэродроме «Измайлово», располагавшийся в пригороде Москвы, где базировался Н-ский отдельный транспортный авиаполк Военно-воздушных сил и Военно-Морского флота, царила суматоха. Транспортные самолёты один за одним взмывали в небо и брали курс на восток. Григорьева и группу Шульги уже встречали. Неприметный капитан, лихо отдал честь Григорьеву, молча передал объемный пакет, вскрыть который, приказано было только по месту прибытия и пригласил на посадку. Невдалеке, у открытой двери штаба находилась группа крепко сбитых людей, в гражданской одежде. Шульга цепким взглядом окинул их и моментально определил, что это военные и военные знающую себе цену. От группы отделилась среднего роста женщина и двинулась навстречу Григорьеву. Её голову покрывала изящная панамка с широченными полями, полувоенные бриджи плотно обхватывали стройные бёдра, часть лица была прикрыта голубой шалью.

— Здравия желаю, товарищ генерал, это и есть ваша группа? — раздался, грудной, с придыханием, голос, — маловато что-то вас. Нас, однако будет побольше.

– С кем имею честь? – спросил сердито, не выпавшиеся Григорьев.

– Майор Красина главный эпидемиолог Красной Армии.

– Мне о вас уже доложили, давайте без официоза, как ваше полное имя?

– Елена Владимировна, со мной еще два сугубо гражданских учёных и группа ОМСБОН из десяти человек.

– Командира группы ОБСНОН пригласите ко мне, а с вами я поговорю позже.

Но эпидемиолог его перебила, – Простите товарищ генерал, но у меня чёткое указание, прежде всего всей вашей группе, не исключая женщин, вколоть противочумную сыворотку.

– Хм, ну что же, видимо я буду первый подвергнут этой экзекуции. Как сказать – подам пример. Через пятнадцать минут всё было кончено, привились все, даже несмотря на жесточайшее сопротивление, чуть ли не силой был привит Абрек.

– Ай, зачем мне этот укол, какая чума-джума и другая холера её задери, я здоров!

– Мы все здоровы, но ради предосторожности, это надо сделать всем, – сердито успокаивала его Красина, то же мне джигит – уколов боится!

– Ну, зачем говоришь так, женщина, я ничего не боюсь, но вам, людям в белых халатах, я не доверяю.

– Придётся верить на слово, давай подставляй руку, ина-

че вколю в более подходящее место и будет очень неудобно сидеть первые четыре часа.

– О, нет, уважаемая Елена Владимировна, – поддел друга Влад, – там у него джунгли Амазонии. Проводник, однако нужен! Гиви с разворота запустил в него пустой наплечной кобурой, – Еще слово и пешком пойдёшь до Владика. После вакцинации, Гиви подошел к Раечке и Шульге и потирая руку, пожаловался Шульге, – Какая красивая женщина, но злая и неприступная, но что-то в ней есть.

– Вот именно – красивая и породистая лошадка, сдаётся мне и это давно известно, что в каждой прекрасной девушке, в каждой целомудренной женщине, где-то глубоко запрятаны прятаны блядские гены её прабабушки.

– Раечка, порой ты меня поражаешь, своими ёмкими словесными оборотами! Ты о чём вообще? – рассердился Шульга.

– Да всё о той же несравненной Глории Риччи! Красивая, смелая и умная, но с червоточинкой изнутри. Может мне кое-кому напомнить, чем это всё закончилось?

– Забудь, всё давно прошло и где сейчас она, мне не известно.

К Григорьеву подошел и представился высокий, крепкий мужчина, – Здравия желаю товарищ генерал. Капитан НКВД Сковорцов, командир сводной группы ОМСБОН.

– А, ходоки, слышал о вас, люди проверенные? Проблем по месту прибытия не будет?

– Мы вместе с 1943 года, ребята как на подбор!

– Это хорошо, – Григорьев передал пакет Шульге и представил его, – на время проведения операции, это ваш непосредственный командир, подполковник Шульга.

– Слышал, слышал о вас товарищ подполковник, вот сейчас довелось лично познакомиться. Как будем разграничивать полномочия?

– Об этом говорить преждевременно. Всё объясню на месте.

Их встретил весь в коже, незнакомый лётчик, из-под реглана выглядывала тельняшка с чёрными полосками, — Товарищ генерал, самолёт готов к полёту, прошу на посадку.

– Ну идёмте, чего мы ждём, – и направился к ближайшему самолёту.

– Товарищ генерал, это самолет ВВС, а мы летим на самолёте ВМФ.

– Вот как? Занятно, а вы каким боком тут? Командир самолёта подошёл ближе, – Приказано, с промежуточными дозаправками в Барнауле и Красноярске, доставить вас в Владивосток.

– Однако, неблизкий путь.

– Да, более шести тысяч километров!

– Так, построиться всем. Всего оказалось двадцать два человека. Это не понравилось Григорьеву, ни мобильности, ни скрытности ждать от такой оравы не придётся, но делать нечего, приказ, есть приказ. Все, кто, балагурия, кто молча,

начали закидывать в самолёт снаряжение и личное оружие. Это заняло почти пол самолёта. Особенно большое количество чемоданов с аппаратурой и объёмных рюкзаков было у учёных.

– Эй, наука, что это вы с собой прихватили – клистирные трубки и таблетки от поноса? – поинтересовался Гиви. Он выхватил из рук Красиной самый большой баул и играючи закинул в самолёт. Потом подхватил её под плечи, при этом ощутив упругость внушительной груди, поднял на вытянутых руках и осторожно поставил на трап, ведущий в дверь самолета, – Ну как, товарищ майор, может проясните, что же это такое вирусы и с чем их едят?

– Грузин, тебе об этом лучше не знать, иначе ты, в течение всей своей последующей жизни, с опасением будешь принимать самую обычную пищу, – ответила Красина и с интересом посмотрела на Гиви, – хочешь я тебе расскажу о тысячах бактерий и вирусов, которые в ничтожных количествах, ужас как смертельны для любого человека? Бойся, данайцев дары приносящих! Ох, как же она оказалась права, через шестнадцать лет, её слова оказались пророческими, но не будем пока о грустном.

– Боже упаси, отныне я держусь от вас подальше, вы же все ходячая вирусня.

– Вот-вот, не суй свой горбатый нос куда не следует. И убери руки с моих, – Красина, взглянула на свою грудь, – шикарных плеч. Абрек, как будто этого не замечая, продол-

жал придерживать Красину.

– Сударыня, отныне я денно и ночью, буду находиться подле вас.

– Послушай, мой крутой незнакомец, то что ты сделал мне одолжение, вовсе не означает, что ты можешь набиваться мне в друзья.

– А я не набиваюсь в друзья – я набиваюсь в мужья!

– Вот как, так тебе придется встать в очередь, она немалая и скрылась уже вон за тем поворотом.

– Да, перспектива аховая, но я всё-таки попробую отодвинуть эту очередь.

– Дерзай, мой милый помощник, только имей ввиду, тебе придётся сильно постараться, чтобы занять свободное место в моей постели.

– Абрек, прекрати нагнетать обстановку, —прикрикнул на него Григорьев, – увидишь еще следствие работы этих вирусов, но позже. Наконец все уgomонились и расселись по своим местам. Самолёт взревел, мягко тронулся и ходко покати́л на взлётную полосу. Лететь было около 16 часов. Сели в Барнауле, шел сильный, но тёплый летний дождь. Заправили самолёт, перекусили и даже чуток поспали. Через час разрешили взлёт. В Красноярске неожиданно всем из самолёта запретили выходить, вновь заправили и уже поздно ночью прибыли в Владивосток. На месте, распорядившись накормить и обустроить людей, Григорьев заспешил в Штаб Тихоокеанского флота.

Начальник штаба ТОФ вице-адмирал Фроловский и начальник разведотдела штаба ТОФ полковник Денисенко, ждали уже Григорьева, кроме адмирала в кабинете чинно сидели двое мужчин и девушка, по азиатским чертам лица можно было определить, что это были то ли китайцы, то ли корейцы. Григорьев вошел и представился. Азиаты мигом поднялись и каждый, сложив руки у груди лодочкой, поклонился.

– Проходите генерал, знакомьтесь, эти люди переходят под ваше командование на время предстоящей операции. Вы просили включить в группу несколько человек знакомых с обстановкой в Северном Китае. Вот два проводника, кореец Мин Хо и китаец Сюань они местные, из приграничья, будут работать в паре вот с этой девушкой. Привлекать их к вашей операции только в крайнем случае. Непосредственно в операции они задействованы не будут. А это наша Гуля, она и двое её спутников, проводят вас в одну мало приметную китайскую деревню, где вы должны встретиться с одним весьма интересным человеком. Гуля хакаса, инструктор по восточным единоборствам, обладает аналитическим умом, переводчик, свободно владеет китайским и японским языками. Дед каждому пожал руку и совсем не ожидал, что рукопожатие девушки окажется довольно таким сильным.

– С вами они не пойдут, они будут добираться до Пинфаня своим ходом.

– А как же мы там встретимся? Китай большая страна.

– Они вас сами найдут. После высадки радируйте нам о вашем местонахождении, а мы, в свою очередь, ваши координаты сообщим уже им. Генерал вам рекомендует, в одном из городов Забайкалья, создать временный штаб, вам в помощь мы выделим целый штат шифровальщиков и радистов, вы будете координировать все действия во время передвижения группы к границам Внутренней Монголии. В группе ОМСБОН есть радист и, по-моему, в вашей группе тоже есть радистка?

– Да непосредственно в группе у нас имеется штатная радист.

– Ставка решила, что до наступления наших войск необходимо начать вашу операцию, не дожидаясь наступления основных сил. Вот пришла радиограмма с приказом о содействии вам от главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке Маршала Советского Союза А. М. Василевского.

– Когда ожидается наступление наших войск?

– Пока это не известно, но думаю скоро. Общий замысел для вашей операции будет выглядеть так: доставка подводной лодкой до места назначения и тайная высадка вашей разведгруппы на территории Китая. Затем лодка ложится на грунт, периодически всплывая ночами, для проветривания отсеков и подзарядки аккумуляторов и ждёт вас в заданном квадрате столько, сколько нужно.

– Что, переброска нашей группы в Северный Китай про-

изойдёт на подводной лодке? Неожиданно! Давно хотел посмотреть, что же это за штука такая – подводная лодка. Адмирал пригласил Григорьева к карте.

– Завтра вас всех перебросят на двух «амбарчиках», пассажирских гидропланах МБР-2-МП-1Т, в посёлок Ракушка, где в бухте Ольга размещается наша база подводных лодок Тихоокеанского флота. Склонившийся над картой начальник штаба поднял голову, —А может, товарищ адмирал их лучше перекинуть в Ракушку гидросамолётами «Каталина»? Все-таки они быстрее, вооружение лучше и места там больше.

– Товарищ полковник, вы с кем собрались воевать? Война-то кончилась! Зачем нешуточно вооруженный гидроплан отправлять по нашей территории? Стоп, секунду...

– Генерал, а какова численность вашей группы, – обратился он к Григорьеву.

– Люди еще прибывают и пока точное количество не известно, но человек 25 будет точно.

– Ах вот как, здесь начальник штаба прав, эти гидросамолёты существенно больше «амбарчиков» и быстроходней, это сэкономят нам время, думаю, что Каталины – это правильное решение. Наш штаб уже получил новые подробные карты Северного Китая. Вам предстоит внимательно изучить пункт предстоящей высадки. Все значимые приморские дороги, проходят в пяти километрах от города Джунхоу. Хиленький порт там присутствует, но его почему-то нет на кар-

те, и он даже не числится портом. Думаю, что он вряд ли имеет для вас какое-либо оперативно-тактическое значение, но забывать о нем не стоит. Вице-адмирал в последствии оказался прав, не было там порта, только небольшая гавань, защищенная молом, с несколькими строениями на берегу. У причала болталось десятка полтора рыбацких кунгасов.

– Также хочу предупредить, что в Джунхоу японцы располагают пехотным батальоном, офицерской школой и внушительным личным составом военно-морской базы, на которую гражданским путь закрыт. Раздался вежливый стук и на пороге появился с автоматом матрос-вестовой.

– Товарищ адмирал, к вам капитан второго ранга Амелин и капитан-лейтенант Хромов.

– Зови и никого больше ко мне не пропускать. Получасом раньше, командир подводной лодки Щ-140 капитан второго ранга Виктор Амелин был срочно вызван в штаб ТОФ, где ему вручили приказ и план перехода в Бохайский залив Желтого моря, утвержденный командующим ТОФ вице-адмиралом Юмашевым.

– Знакомьтесь, командир Щ-140 капитан второго ранга Виктор Амелин и старпом капитан-лейтенант Хромов, они в курсе вашей миссии, а остальной команде знать о вас необязательно. Сейчас я при вас вскрыю конверт с приказом и проложенным маршрутом. Адмирал, намётанным глазом, быстро пробежал глазами, сначала карты, а потом сопроводитель-

ные документы и передал капитану второго ранга Амелину.

– Итак, с Ракушки идёте Японским морем через Цусиму, входите в Жёлтое море, днем продвигаетесь в подводном положении, ночью, подальше от береговой линии, в надводном. Огибаете Ляодунский полуостров, с главным портом Люйшунь и входите в Бохайский залив. На китайских лоцманских картах он обозначен как Бо-хай – так по-китайски звучит название залива. Двигаться осторожно, что Желтое море, что Бохайский залив довольно мелководны и, при вашем обнаружении спрятаться на глубине и переждать опасность будет проблематично. Между Аншаном и Джунхоу, в пяти милях от берега, высаживаетесь прямо в море в приготовленные резиновые лодки. Кстати, наш исторически знаменитый Порт-Артур, сейчас и есть Люйшунь. Отсюда берёт начало печально известная КВЖД, соединяющая нашу Читу, китайский Харбин и Порт Артур, который основали русские моряки. Город формально входит в состав Маньчжоу-Го, но хозяйничают там исключительно японцы.

– Разрешите товарищ адмирал, дополнить кое-что по поводу предстоящей операции? – спросил разрешения Амелин.

– Да пожалуйста, Виктор Николаевич.

– Мне приходилось ходить в Жёлтое море не один раз и хочу дополнить, что при входе в мелководный Бохайский залив, нам надо держать ухо востро, началась путина, сейчас она в самом разгаре и в портовых акваториях иногда быва-

ет свыше сотни рыболовецких шхун. Японцы запрещают китайским морякам ночью выходить в открытое море, но эти сумасшедшие ребята, погасив навигационные огни, всё равно пытаются закидывать сети. Сейчас в Китае голодно. Нам придётся всплыть и несколько десятков кабельтовых пройти в надводном положении и тут следует опасаться столкновения с этими беспечными ребятами. Лишний шум нам ни к чему.

– Какие будут еще предложения?

– Товарищ адмирал, где же я размещу такую ораву людей, Эска хоть и большая лодка, но будет тесновато. Разрешите мне оставить на берегу часть экипажа?

– Нет, запрещаю штатный состав оставлять на берегу. Не к теще на блины идете. Впереди грядёт нешуточная война с Японией, Благо, что у вас лодка серии С, где семь отсеков, придётся спать в отсеках сменяясь, а всей команде спать не обязательно, вахту кому-то надо нести.

Все дело в том, что распорядок на подлодке своеобразный, служба проходит вахтами, поэтому никогда не бывает так, чтобы все моряки спали одновременно. Половина команды спит – другая половина несет службу, и так было всегда.

– Понятно, разрешите выполнять?

– Выполняйте, знакомьтесь с командирами групп и непосредственно с генералом Григорьевым. На этом всё! Все сво-

бодны.

В тот же день подводная лодка «С-140-Х» впервые вышла в открытое море с группой Шульги для отработки скрытного десантирования на вражеской территории. Не все сразу получалось, но потом справились, правда экипаж подводной лодки увидев такое количество женщин на борту, друженько приуныл, женщина на корабле – это к беде, но после уморительной сцены с Гиви, заметно повеселел. Ворчун Гиви на чем свет материл всех и вся, он смерть как боялся воды, ещё живо было в памяти, ученье старого абрека с принудительным купанием в ледяной воде Куры и сама лодка вызывала у него дикий ужас. Выросший в горах Гиви был далёк от морской романтики и спускаясь в рубку от с ужасом бормотал, – Как можно пролезть через этот узкий дырка между отсеками, эти торпеды-шмарпеды, я не могу себе даже представить, как могут жить и воевать в таких условиях эти сумасшедшие ребята. Боцман, ухмыляясь, дружески приободрил грузина и успокаивающе похлопал его по спине, – Что бичо, страшно? В море будет ещё страшней.

Лицо Гиви исказила гримаса, – Спасибо дорогой, успокоил!

– Гиви, это не твои горы – это море, здесь мы в безопасности!

– Ай, какая разница, горы растут вверх, а море почему-то растёт вниз, куда здесь смотреть?

– Абрек, – засмеялся Влад, – в подводной лодке нет окон,

куда будешь смотреть? И потом, в море смотреть не на что – кругом одна вода. Гиви забился в угол каюты и насупив брови, быстро задремал. Гиви не знал, что ему предстоит ещё одно неприятное испытание, с которым, несмотря на жуткий страх перед водой, ему всё равно придётся свой страх преодолеть. И на следующий день, во время тренировки высадки в открытое море, Абрек категорически отказался прыгать с лодки в море, а потом заявил, что страсть как боится медуз и в море ни за что не полезет. На что, никогда не лезшая за словом в карман Ксюха, покачивав головой пропела скабрёзную частушку: Девки лезут в море плавать, натянув рейтузы, потому что их кусают за пи***у медузы! Все оцепенели и взглянули на командира лодки... что сейчас будет? Командир, вопреки байкам, что моряки жуткие матершинники, никогда не приветствовал скабрёзь, но засмеялся уместной шутке вместе со всеми и погрозил Ксюхе пальцем.

Но окончательно команда полюбила девушек группы после ещё одного уморительного инцидента, когда предвзятое отношение к себе девушки заметили и возмущенно стали выговаривать командиру, что они совершенно не ожидали такого приёма и та же Ксюха, с осмелевшей Викторией Веденеевой, в лоб, спросили у командира, почему команда не терпит женщин на борту и как им девушкам быть с туалетом. Командир, лукаво, бросил взгляд на боцмана, на что боцман, разгладив свои шикарные усы, подбоченясь, смеясь, выдал, – разрешите мне, дорогие дамы, сгладить все недоразумения и

закончить известной цитатой: «На подводной лодке возможно любить только одну женщину – Родину, и она, как ревнивая жена, создаёт тебе все условия для того, чтобы ты ей не изменял»... даже мысленно, – закончил ухмыляющийся боцман.

– Боцман! Какое самое главное место на лодке?

– Самое главное место на корабле – галюн! Все засмеялись, а командир лодки дружески похлопал боцмана по плечу, – вот именно, товарищ мичман!

– Единственное, что я хочу, чтобы вы девушки неукоснительно соблюдали – в наш галюн ходить только в сопровождении матроса из экипажа. Это приказ, а на лодке отдавать приказы могу только я! После всех ваших делов, матрос зайдет после вас и всё исправит или обучит, как вам это безопасно сделать. Рядом стоящая Ксения Канадина недовольно нахмурила бровки, сняла с крючка какую-то оранжевую хреновину и стала разглядывать, что-то щелкнуло и стоящий на вахте боцман на центральный посту, услышав голос командира, рывкнул в переговорное устройство, – Слушать в отсеках, командир говорит. Ничего не подозревающая Ксюха, не преминула поддеть капитана, – А что, – невинно спросила бедовая Ксения, – девушки разве сами на унитаз не смогут пристроиться или у вас там только трубки по размеру мужского причиндала? При этом она в руках вертела включенный переговорный микрофон. Такого хохота в отсеках, не слышал даже капитан.

– Нет моя дорогая, унитаза там нет, есть галюн и трубок там нет, но вы в галюне, своими неумелыми действиями, можете потопить подводную лодку. Ксюха вытаращила глаза, – как может моё, хм... дерьмо, потопить лодку? Опять раздался, гомерический, переходящий в откровенное ржание, хохот по всем отсекам. Услышав это, капитан вежливо, но настойчиво, отобрал микрофон у Ксении и выключил его.

– Вы находитесь не у себя на даче, на глубине присутствует большое давление и, если вы не хотите, чтобы, забортная вода и хм... ваше дерьмо, как вы выразились, прилетело вам в лицо, не забудьте прихватить с собой, свободного от вахты матроса. И еще: предупреждаю, спальные места не только довольно узкие и расположены в самых неожиданных для непосвященных местах, но и их количество никогда не соответствует числу служащих на субмарине. Придётся вам всем потесниться

Командир попрощался с группой и смеясь, покинул отсек. Надо было погрузить на лодку дополнительный паёк, взять боеприпасы и четыре пулемёта МГ-42, с пятью тысячами патронов, которые привезла группа Шульги и готовиться к походу. Наконец всё было сделано и лодка была готова выйти в открытое море.

Глава четвёртая

Еще задолго до окончания войны в конце 1943 года, Сергея Глебова срочно отозвали из Германии и он, выехав нелегально в Норвегию, морским путём, вернулся в СССР. Испан-

нец был довольно неординарной личностью, он одновременно мог поразить окружающих своей яркой харизмой и тут же отпугнуть их своим необузданным характером авантюриста. Испанец относился к новым, воспитанным кровавой войной честным чекистам, сочетавший в себе жестокость со своеобразным романтизмом и авантюризмом, еще не исковерканным, слегка поутихшими репрессиями. Глебов был учеником Григорьева и попал под его внимание еще в середине двадцатых годов, когда он, сколотив себе банду из малолеток, бесшабашно и дерзко грабил нэпманов на Рязанщине.

Буквально через считанные дни, после ознакомления с новым назначением, его нелегально переправили в Юго-Восточную Азию, где рекомендовали обратить пристальное внимание на действия милитаристской Японии. Прежде всего, необходимо было любой ценой добыть информацию о разработке новых видов вооружения. Также не лишним был попутный сбор информации о всей немаленькой японской армии, насчитывающая сейчас 2.7 миллиона человек. Ему необходимо было обеспечить Ставку Верховного Главнокомандования сведениями, которые нужны для планирования и успешного проведения Маньчжурской стратегической наступательной операции, которая должна будет начаться, согласно заверениям Сталина, после победы над гитлеровской Германией.

Испанец с нуля создал надежную агентурную сеть, которая специализировалась на добывании информации в обла-

сти разработки военной техники Японии. Агенты сообщали об устройстве военных заводов и оборудования не только в Японии, но и в других странах Юго-Восточной Азии. К концу войны Глебов, ценой огромных моральных и материальных усилий, с трудом, завербовал одного из самых сильных криптологов в Юго-Восточной Азии. Под псевдонимом "Леший", с помощью помощников, криптолог успешно дешифровывал переписку японских дипломатов с Токио. Криптолог, за несколько бессонных ночей смог «взломать» так называемые «пурпурную» и «красную» шифросистемы, которые МИД Японии использовал в своих линиях связи. Глебов одним из первых передал в Ставку информацию, что Страна восходящего солнца ускоренными темпами сосредоточивает все свои основные силы в Тихоокеанском регионе против США и воздерживается от преднамеренных действий против СССР. В подтверждении этих сведений в Москву стали регулярно поступать донесения о переброске войск и предстоящих планах японского командования в Тихоокеанском регионе.

Через Испанца, Леший передавал важнейшую информацию о японском вооружении и маневрах японской армии. Также Испанцу удалось завербовать десяток агентов из местного контингента, которые поставляли важнейшую информацию о разработках японского вооружения и стратегических планах милитаристской Японии. Только на начало 1945 года "Леший" передал 150 шифрограмм и фотографий с де-

тальной технической информацией и более тридцати новых образцов радиокомпонентов для военной техники. За шесть месяцев до объявления войны с Японией, Испанец передал ценную информацию о том, что в ожидании войны с СССР, Япония повсеместно приступила к обучению летчиков-камикадзе и эти смертники будут действовать во всем Тихоокеанском регионе.

Испанец, дав указание свои надёжным людям не высываться и на время притихнуть, заспешил на встречу со связным, который оставил условный знак в оговоренном месте. По типу знака он определил, что связной прибыл из Москвы, а это довольно серьёзно. Инструкция запрещала встречаться со связными лично, для этого существовала переписка, оставляемая в условленном месте или шифрограммы, получаемые его радистом, которого кроме него никто не знал. Подойдя к условленному месту, он на всякий случай перешел на другую сторону улицы, зашел в придорожное открытое кафе, заказал рюмку вонючего местного пойла и стал наблюдать за местом встречи. Хвостов не было и было всё спокойно. Кинув небрежно на стол несколько иен, Глебов поднялся из-за стола и вихляющей походкой горького пропойцы, медленно двинулся к месту встречи. По пути, заскочив в духан, торгующий местными экзотическими фруктами, он еще раз окинул взглядом всю улицу. Подозрительного ничего не было. На выходе неожиданно, какой-то невзрачный недотёпа, чуть не сшиб его с ног и уже падая на пыльную

дорогу, он почувствовал, что ему что-то положили в карман. Следуя легенде горького пьяницы, ему пришлось упасть и по-немецки витиевато обматерить, так некстати толкнувшего его человека. Но он, бросив выразительный взгляд и извинившись по-малайски, немедленно удалился.

– Однако, что-то тут не так, – удивился Испанец, потирая ушибленной плечо, – но быстро поднявшись с земли и ковыляя, проследовал в ближайшую подворотню. В кармане обнаружил клочок рисовой бумаги, где по-немецки был написан мелким шрифтом текст: «За мной увязался хвост, встреча переносится на два часа позже. Ганс».

– Бл!.. – у этого связного явно плохо с фантазией? Мне только Гансов здесь не хватало, – чертыхнулся Испанец и вновь, приняв образ пьяницы, опять поплёлся в знакомое кафе, за новой порцией подпольного виски. Надо ждать. Выждав два часа, он, поймал рикшу и отправился на местную пристань, в одном из отслужившим свой век катере, его должен был ждать прибывший связной. Отыскав на пристани катер со сломанной дымогарной трубой, он остановился возле него и присев на корточки, стал завязывать развязавшиеся шнурки. Тихо открылся иллюминатор и его окликнули по-русски, – Завершайте здесь все свои дела, вам необходимо в 2 часа 20 минут 9 июля находиться в заданном квадрате Желтого моря, там вас подберет наша подводная лодка. С собой можете взять еще двух надёжных человек и ещё, чтобы не было сомнений – вам привет от Колымы, – и в его сто-

рону полетел скомканный лист бумаги с написанными координатами. Невидимый человек прикрыл иллюминатор и слышались быстро удаляющиеся шаги. Сомневаться и проверять информацию было излишне, мало кто знал в этом мире о Колыме и их взаимоотношениях.

Испанец запомнил координаты и засунул клочок бумаги в рот, рисовая бумага была съедобной. Что же этот башибузук придумал в этот раз, – ломал голову Глебов, возвращаясь на явочную квартиру, – война же кончилась, почему он не демобилизовался, – но тут же отбросил эту мысль, Колыма кадровый контрразведчик, а такими специалистами не разбираются и бывшими они никогда не бывают. Испанца мучил другой вопрос – кого взять с собой, все люди у него не раз проверенные и не хотелось кого-то обижать. После долгих раздумий он решил взять с собой, только двух человек – китайца Ю-Шена и японца Асикагу, хоть они и не ладят между собой, но тем не менее, неплохо работают в паре и выручали его не раз.

– По местам стоять, отдать концы, – малый вперед! Подводная лодка тихо, без лишнего шума, отдала швартовы и малым ходом осторожно миновав все минные заграждения, на подходах к важнейшим дальневосточным портам, отправилась к берегам Желтого моря. Командир лодки в штабе ТОФ получил дополнительный приказ, им в пути следует пристать к одному из безымянных островов в Жёлтом мо-

ре и обменявшись паролями, подобрать троих неизвестных. Скрепя сердцем он вынужден был всё-таки оставить на берегу почти половину команды из боевой части. Такому количеству людей нужно чем-то под водой дышать, а всплывать без надобности запрещено, да и опасно. Он оставил на лодке только команду электриков, дизелистов и группу руления. При случае, он, боцман и старпом сами встанут на места торпедистов и наводчиков.

– Вахтенному офицеру, подготовиться к погружению, осушить трюма, выгородки, цистерны грязной воды, продуть баллоны гальюнов. Мостик к погружению приготовить. Посыпались команды о готовности лодки к погружению.

– Вахтенному офицеру начать вентиляцию лодки и аккумуляторных батарей. Личному составу занять места согласно расписанию по боевой тревоге. Командиры отсеков доложить: во всех отсеках стоять по местам, подготовиться к погружению, присутствуют ли все.

– Боцман? Доложить о готовности экипажа к погружению.

– Рубочный верхний люк открыт, лодка готова выйти в море.

– Задраить верхний рубочный люк и тут же летит ответка: Задраен верхний рубочный люк.

– Задраить нижний рубочный люк – Задраен нижний рубочный люк.

Перед задраиванием верхнего рубочного люка командир лично осмотрел ограждение выдвижных устройств и трижды

оповестил о погружении. Мигом произошла герметизация всех отсеков, систему вентиляции переключили на замкнутый цикл. Передвижение личного состава по лодке прекратилось,

Командный пункт перешел на таблицы подводного хода.

– Гидроакустик, шумы за бортом? Гидроакустик слушал водную среду в соответствии с инструкцией.

– Отсутствуют командир, горизонт чист.

– Славно, продолжать слушать.

– Боцману, погружаться на глубину сорок метров с дифферентом в три градуса на нос. Из концевых отсеков докладывать об изменении глубины погружения через каждые десять метров.

– Осмотреться в отсеках. Глубина сорок метров. Наконец завершающая команда: Удифферентовать подводную лодку на глубине сорок метров на ходу восемь узлов с дифферентом ноль градусов.

– Приготовиться исполнить режим «Тишина». Во всех отсеках наступила тишина, только еле слышно было, что где-то с тихим завыванием выполняют свою работу электрические механизмы. При команде «тишина», запрещается передвижение личного состава между отсеками.

И наступила мёртвая тишина. Через четыре часа раздалась команда вахтенного офицера, – На вахту новой смены заступить, подвахтенным от мест отойти. Всем отдыхать. Докладить процентное содержание водорода в аккумуляторной

яме.

Прошло 18 часов, вся группа Шульги спала все это время мертвецким сном, когда еще удастся так хорошо выспаться. Ровно в 2.50 утра раздалась команда по отсекам, – Окончить режим „тишина“, по местам стоять, приготовиться к всплытию. «На глубине десять метров задержаться, по местам стоять, на стабилизатор глубины без хода становиться. Всплыть на перископную глубину. Командир медленно стал поворачивать перископ вокруг оси лодки. Горизонт был чист.

– Всплывать! Приготовить дизеля к работе на заряд, вахтенным приготовить вдувную и вытяжную вентиляцию для продувки отсеков.

– Осмотреться в отсеках, боцман, всплывай.

– Дизелистам, дизель товсь к запуску Лодка вздрогнула и начала всплытие.

– Боевому охранению приготовиться.

Когда лодка всплыла, корпус лодки мелко задрожал – запустились два дизеля.

– Отдраить нижний рубочный люк – отдраить верхний рубочный люк.

Команда, строго по инструкции, мигом перекрыла переборки между отсеками.

– Боцман и старпом со мной в рубку, остальным осмотреться в отсеках. И командир с старпомом по трапу стали подниматься в рубку, боцман уже ждал их у открытого люка.

– Боцман, включить сигнальный прожектор Олдиса, на-

править на береговую линию безымянного островка, подать четыре длинных и два коротких световых сигнала, без пауз. Боцман с заданными промежутками, вручную, захлопав узкими затворами шторок, начал передавать сигнал. В ответ где в глубине маленькой бухточки мигнули три раза красным светом. Из-за мыса показалась резиновая лодка, двое гребцов усиленно работали короткими вёслами, третий, закутанный с ног до головы армейской плащ-палаткой, сидел на корме.

– Пароль? – боцман и старпом, как по команде, навели автоматы на приближающуюся лодчонку.

– Колыма велел кланяться и сказал, что не приедет, – раздался приглушенный голос с лодки.

– Ответ? – резиновая лодка предусмотрительно стала разворачиваться, на случай неправильного ответа, а сидящие в ней люди тоже защелкали затворами японских автоматов.

– Колыма обещал обязательно передать привет Испанцу, – ответил командир лодки и уже, без обиняков, зычным голосом заторопил, – живо на борт, пехота, нам здесь светиться нет резона. Испанец и двое его товарищей с опаской ступили на борт, таким экзотическим плавсредством им еще не приходилось пользоваться.

– Команде готовиться к погружению. Срочное погружение. Немедленно стала заполняться цистерна быстрого погружения и лодка с дифферентом на нос ушла на глубину. Впереди еще 12 часов перехода. Оставалось пройти 500

милль. На следующий вечер, у входа в залив Бохай, подводная лодка всплыла на перископную глубину, командир осмотрел водную гладь, и немедленно дал команду лечь на грунт, в заливе было не протолкнуться, утлые судёнышки местных рыбаков беспрестанно сновали по заливу, надеясь хоть что-нибудь поймать в свои сети. Десантирование группы Шульги было назначено на 3 часа ночи.

А тем временем на лодке вся группа уже проснулась, поели и проверив снаряжение, стали ждать команды на десантирование. Глебов и его спутники расположились в кормовом отсеке, командир лично задраил люк, поставил часового и строго настроил приказал никого не впускать и не выпускать, пока он лично не потребует к себе командира десантной группы. Вдруг в динамике раздалась команда, – Командиру группы десанта, прибыть в каюту командира лодки. Шульга удивился, – Зачем я ему понадобился, мы уже обо всём договорились, проработали план десантирования, назначили время, когда и где их будет ждать лодка по окончании предстоящей операции. В носовой отсек пришел матрос и проводил Колыму в каюту капитана. По лодке без сопровождения вахтенного матроса, не членам экипажа, ходить запрещалось. Теряясь в догадках Шульга в сопровождении матроса, пригнувшись, начал пробираться, по коридору через частокол всевозможных приборов, люков и непонятных вентилях к каюте капитана, находящуюся во втором отсеке. Крупногабаритному Шульге делать это было непросто. Мат-

рос деликатно постучал в дверь и отошел в сторону пропуская Колыму. Хотя по давней традиции в другие отсеки входят и выходят моряки без стука. Каюта оказалась довольно маленькая, где-то два на два метра. Узкая кровать, складной стол, откидывающийся стул и переговорник с динамиком. Все! За столом сидел капитан и ещё один человек, на первый взгляд, ни разу не похожий на морского волка, уж слишком он был здоров и высок. Таких в подплав не берут. Он сидел спиной к Шульге и лениво чистил воблу.

– Слушаю, товарищ капитан второго ранга, зачем вызывали?

– Извини подполковник, хоть мы и в одинаковых званиях, я не могу тебе приказывать, но тут есть человек, который повыше наших воинских званий и, который уж очень хочет тебя увидеть.

– Я не уполномочен никому подчиняться и... договорить он не успел, как раздался до боли знакомый голос, – А мне? – Глебов резко повернулся и с прищуром взглянул на Шульгу.

– Тебе тоже чертяка, я много видел на свете чудес, но таких! Он ринулся к Глебову сметая всё на своём пути, бросился в объятия старого друга. Они крепко обнялись.

– Ну Дед, ну пройдоха, даже мне не сказал, что вызвал тебя мне на помощь, а я голову ломаю, как же я буду командовать такой большой группой, ведь здесь более двадцати пяти человек.

– Да я тут недалеко обосновался, сутки в пути, и я уже в

этой посудине.

– Но-но, кто это обзывает мой корабль посудинкой, – в шутку возмутился капитан подлодки, – эта посудина, как вы выразились пехота, сейчас единственное наше спасение. Он отвлекся и нажал кнопку переговорного устройства.

– Штурман, – говорит командир, – курс?

– Строго заданный, командир!

– Добро! Так держать!

– Ну Колыма рассказывай, кто с тобой в упряжке.

– Да мои всё те же, правда в усиленном режиме, с нами идут эпидемиолог, два микробиолога и группа ходоков из ОБСБОН для их прикрытия.

– Так вот значит для чего меня вызвали, командовать этими рискованными ребятами и твой зад прикрывать?

– И не только, тебе на шею вешают гражданских и военных врачей которым нужно попасть в Чанчунь. У них своя задача. Оберегать ты их обязан особенно тщательно.

– Вот это плохо, этот балласт будет нас основательно сковывать.

– Майору Красиной срочно прибыть в каюту капитана, – раздалось команда капитана.

– Как вы сказали, майор Красина? – почему-то живо заинтересовался Глебов, но быстро взял себя в руки, – зачем капитан? Мы вдвоем-то здесь не помещаемся, а тут еще один человек?

– На берегу получил строгое указание, привить вас пол-

ковник новой противочумной вакциной.

– Что, как это понимать Шульга?

– Не возбуждай, Серёга, нас тоже всех привили ещё на берегу.

– Но зачем, какая к черту чума, холерой её задери!

– Все вопросы потом, – Колыма по инструкции не хотел при капитане разглашать детали предстоящей операции, – об этом тебе расскажет главный эпидемиолог РККА майор Красина.

– Женщина? Красивая? – притворно, но с интересом спросил Испанец.

– Увидишь ловелас, губы-то не раскатывай, Степаниде это не понравится!

– Эх, где же там моя ненаглядная, более трех лет я её не видел, как они там?

– Да нормально, Дед регулярно раз в месяц твой и мой денежные аттестаты, отправляет им по почте.

– А ты что, все три года отправлял свой офицерский денежный аттестат моей семье?

– А что мне делать с этими деньгами? Тратить-то мне негде и не на что.

– Спасибо дружище, как там Раечка, еще не поженились?

– Она здесь и будет несказанно рада твоему неожиданно появлению.

Раздался вежливый стук и на пороге появилась Красина, она подозрительно взглянула на одетого в гражданку Глебо-

ва, вздрогнула, потом усмехнулась и безапелляционно спросила, – Кто этот весьма экстравагантный мужчина, подполковник Шульга, – зачем меня вызвали, что за шутки?

– Сударыня, разрешите представиться – Испанец резко встал и чуть не снёс головой какой-то прибор, на что капитан погрозил ему пальцем, – Осторожное увалень, ты мне корабль разнесешь!

И почувствовав себя лишним в этой тесной компании, заторопился, – Ладно бы тут пообщайтесь, а у меня извините, служба, – и покинул каюту.

– Полковник ГРУ Глебов, – представился Испанец, – а вас как величать, красавица?

– Попрошу, товарищ полковник без фамильярностей, я этого не люблю, но Шульга заметил, что Красина несколько сбавила обороты, но не оробела от слов ГРУ, видимо ей очень понравился этот статный офицер.

– Товарищ полковник, скидывайте вашу хламиду, я вам укол вкачу в руку.

– Для начала скажите мне зачем, а потом уж делайте со мной все что хотите.

– Туда куда мы отправляемся, скорее всего местность будет заражена и прививка нужна для профилактики, но настоятельно рекомендую, при проникновении непосредственно на объект, всем будет необходимо надеть спецкостюмы, как и зачем, я вам объясню, но позже. Чтобы пресечь все ваши возмущения, предупреждаю, здесь командуете вы, а на объ-

екте буду командовать я и никаких возражений я не приму.

Глебов быстро снял пиджак и оголил руку, – Прошу доктор Парацельс!

– Там, где я работаю, Парацельс и часа бы не прожил! Всё, можете открыть глаза, одевайтесь. Я еще не встречала мужчин, которые не бояться уколов. Вернулся капитан, он на правах хозяина, всех удобно и компактно рассадил и по связи вызвал кока, – Старшина, ужин на четырех персон ко мне в каюту. Он открыл рундук под кроватью и достал анкерок с красным вином, – Я, на правах командира лодки, несколько отступлю от правил и позволю нам выпить несколько больше пятидесяти граммов красного сухого, а вообще, пятьдесят грамм красного вина, эта традиция и положена всему экипажу ну и нашим гостям. Красное сухое помогает поддерживать важные процессы в нашем организме, в условиях ограничения движения и помогает не сойти с ума от стресса, – закончил он шуткой.

Ввалился без стука, круглый как колобок кок и поставил на стол большой поднос с макаронами по-флотски, четырьмя жестяными кружками и странного вида целую буханку хлеба.

– Хочу обратить ваше внимание на эту особенность, – Кап два взял в руки булку хлеба и разломил пополам, —по каюте начал распространяться странный запах свежей пшеницы и спирта, – это проспиртованный хлеб. – Мы не успели зака-

затъ свежий хлеб, так что будем довольствоваться старыми запасами.

– А как же его есть, – улыбнулся Глебов, – ведь команда опьянеет вмиг?

– Нет-нет, друзья, в заспиртованном виде его запрещено подавать к обеду, просто кок, перед подачей на стол, помещает буханки в печь, спирт выпаривается и команде подается уже свежий, будто только что испеченный хлеб.

– Однако! – удивился Шульга, – всё у вас не так, как у нас в пехоте.

– Не моё это конечно дело, но сдаётся мне, что вы далеко не простая пехота, раз наше командование расщедрилось и предоставило для вас целую боевую подводную лодку, это у нас в подводном флоте считается из ряда вон выходящим событием. Мы не подводное такси.

– Ладно, оставим эти беспредметные разговоры, – Испанец придвинул к себе карту Японского моря и побережье, – давайте по существу обсудим наше десантирование, капитан давайте ваши соображения, где нам безопасно и без лишнего шума высадиться?

– Поразмыслив, я пришел к выводу, что лучший вариант для вашего десантирования это Бохайский залив, но не в нашем случае, у нас подводная лодка, а не надводный корабль, залив слишком мелок и, если нас заметят японцы нам от них по этому мелководу не уйти. Над заливом регулярно летают гидросамолёты и будет нам, короче, всем амба. Предлагаю

гаю вас высадить в Ляодунском заливе, он вдаётся в сушу более чем на двести километров, вам придётся меньше чапать пёхом. Глубина залива тоже не ахти какая, местами до десяти метров, но высаживать вас на отмели не очень лучший вариант. Даже, если нам это удастся, лодка не сможет уйти незамеченной, японцы не дураки и сразу поймут в чём тут дело. Мы выберем место, где будет глубина примерно метров пятьдесят, днём отлежимся на грунте, а ночью, во время прилива всплывём и пойдём в надводном положении миль десять и постараемся вас высадить как можно ближе к порту Инкоу. Побережье правда изрезано множеством мелких заливов, но я, для измерения глубины, выставлю несколько матросов с лагами на носу и корме для проверки глубины. Это менее безопасно, чем по суше пробираться вам до Чанчуня, а это, более четырёхсот километров по холмам и редким лесам.

– Как же мы незаметно это расстояние пройдем? В пути следования, пока доберемся до провинции Гирина, можем потерять половину состава группы. Японцы не дадут нам пройти до поселка Чанчунь парадным маршем. Нет, здесь нужно какое-то другое решение.

– А если вас высадить рядом с портом, – капитан мельком взглянул на карту, – Циньхуандао?

– Как? Порт Циньхуандао? Китайцы наверно всей страной придумывали это название.

– А что, мысль не плохая, – перебил Шульгу Глебов, –

В спящей разнорасовой толпе нам легче будет скрыться. Всё на этом варианте мы остановимся. У меня есть пара человек азиатской внешности, они высадутся первыми и подготовят нам место для корректировки и дальнейших наших действий, а мы их будем ждать в одной из мелких бухт. Капитан сложил карту глубин Ляодунского залива и встал, – Вы продолжайте, а мне надо идти, необходимо эти корректировки курса и места высадки, согласовать с моим старпомом и штурманом. Чувствуя, что старым друзьям надо о многом поговорить, вслед за капитаном, извинившись, сославшись на неотложные дела, поднялась и Красина кивнув на прощание, она молча удалилась.

– Испанец, а кто это у тебя с азиатскими чертами лица? Ты разве прибыл не один?

– Нет конечно, – Дед в радиোগрамме мне рекомендовал взять с собой двоих надёжных ребят из местных, я выбрал китайца и японца.

– У меня тоже есть два брата-акробата, косящие под титульных японцев и Шульга рассказал, как они дерзко выкрали братьев из Актюбинсклага.

– Узнаю своего безбашенного друга, Дед помог?

– Не только, ведомство Абакумова приложило руку. Меня беспокоит другое, как мы будем добираться до места проведения операции? Мы можем потерять большую часть нашей группы.

– Идет война и война непростая, потери неизбежны. У нас

есть единственный способ выжить – это сразу уходить отсюда где тебе плохо! Горевать по поводу утраты членов нашей группы, это проходящий процесс, но не в коем случае не статусная составляющая, горечь утраты от непредвиденных потерь со временем пройдёт, а статус, что мы все умрем нас будет преследовать всю жизнь. Крепитесь, это надо будет пережить! А ты посыпаешь себе голову пеплом и мучаешься, как Христос на кресте.

– Как-то, я раз пытался изменить свою и чужую жизнь, рискнул, и чуть не потерял свою.

– Мне это известно, но в том случае тебя не окружали враги с автоматами. Выбор ты сделал сам.

Глебов налил из анкерка вино в жестяные кружки и придвинул одну Шульге. Они замолчали и задумались каждый о своём.

Шульга отпил вино из кружки, поставил её на раскладной столик, взял карандаш и стал задумчиво вертеть его в руках, чёрт возьми, должно же быть какое-то решение, но ничего стоящего в голову не приходило, не хватало чего-то, а вот чего – он терялся в догадках. И наконец его озарило!

– Есть, есть мысль Испанец, правда фантастическая и трудно выполнимая, но она осуществима, как тебе идея угнать японский гидросамолет? Наверняка в таком крупном порту как Инкоу они присутствуют и паркуются где-нибудь неподалеку на одном из пирсов.

– Ты это серьёзно? Предположим, что нам удастся угнать

какой-нибудь гидросамолёт, а дальше то что? Ну взлетим мы, ну доберемся без проблем до провинции Гирина, а потом что? Перекрестившись на прощание все вниз сиганём без парашютов? В районе Гирина нет ни моря, ни крупных рек, а те водоёмы, которые есть, плотно контролируются японцами, куда будешь сажать этот гидросамолет. На пузо? А перекреститься на прощание мы успеем?

– А почему бы нет, этот рыдван тихоходен и там гондолы здоровые, авось выдержат.

– Авось-небось и их друг надясь! А о людях ты подумал, нас же около тридцати человек! Где и как мы его будем угощать?

– В порту, вечерком прошвырнёмся по заливу на арендованной лодчонке и посмотрим, что и где находится и как нам это половчее осуществить.

– Сумасшедший ты Колыма, ты меня уже переплюнул со своими бредовыми идеями, а летчики, летчики у тебя есть? Кто осмелиться сесть за штурвал незнакомого самолёта?

– Есть, Виктория Веденеева и Раечка когда-то учились в аэроклубе.

– Кто, Раечка? Ты посмотри! Помимо того, что она на Курской дуге лихо управляла танком, так её бесшабашную ещё угораздило в аэроклубе отучиться, что за девка, ну что за наказание!

– Ты не забыл, что она из 11 отдела, где небезызвестный тебе Кардан преподавал?

– О! Майор Карданцев – знаю такого, его все курсанты боялись, как огня, но специалист они был отменный, его credo: «Нет ничего невозможного, не хочешь – заставим, не можешь – научим!». Он, где трёхэтажным матом, где простым увещанием на грани безумия, кропотливо учил своих курсантов езде на любых средствах передвижения, вплоть до самолётов.

– Вот-вот и я о том же, только есть одно, но... В этих японских самолётах, всё обозначение приборов будет написано, как бы левой ногой, то есть иероглифами.

– Я это понимаю, но графическое изображение приборов в самолетах любой страны изображаются по одной единой схеме. К тому же у меня есть чистокровный японец Асикага.

– Давай сюда девчонок, будем разрабатывать план, на захват гидросамолета пойдут Влад, Гиви, ты, девчонки и братья-калмыки для прикрытия. Выдавайте себя за испанцев или итальянцев, с вами также пойдут один китаец и схожие лицами братья-калмыки.

– Кто из девушек знает испанский или итальянский? Да, с вами пойдёт японец Асикага, как переводчик и радист. Вам придётся взять «языка», выкрыть полетные карты и пароль в воздухе, его посадите за рацию. Все!

– Родионова, по-моему, изучала итальянский и испанский.

– Нам нужна будет японская форма для Асикаги и итальянская для Марийки, желательно офицерская.

– Шульга, с итальянской будут проблемы, дело в том, что в порту Инкоу присутствует только незначительная группа итальянских водолазов и моряков с каботажного судна, а у них весьма специфический мундир.

– Да какая разница, кто там будет разбираться, главное, что Родионова прекрасно владеет итальянским, а её способности по прямому воздействию на человека пси-сенсорикой с помощью боевого гипноза, очень нам в этом помогут. Всё, решено, давай переместимся в седьмой отсек там места побольше и созовём все членов группы.

– Да? Ты мне об этом не говорил, колдунов и ведьм мне только не хватало для полного счастья. Ну-ка, давай рассказывай, что я еще не знаю о твоих девчатах?

– Хотя ты мне и друг, но извини, но не имею права! Я давал подписку о неразглашении.

– Чтоб вас, делайте что хотите!

Какой бы не был отсек по размерам, всех двенадцать человек, включая Лю-Чена, Асикагу и братьев-близнецов, он не смог уместить и когда все собрались в седьмом отсеке, девушкам пришлось сесть на колени к мужчинам. Раечка, долго не думая первой показала пример, она смело обняла Шульгу за шею и устроилась тёплым задом на коленях Шульги. Гиви вмиг подсуетился и несмотря на слабое сопротивление, схватил Викторию Веденееву за пояс и усадил к себе прямо на колени. Она усмехнулась и не мудрствуя лукаво, нарочито поёрзала упругим задом на коленях Абрека, что

вызвало у него сладкую истому и томный вздох.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.